

ДМИТРИЙ КАЗАКОВ

РЫЦАРИ

КОРОЛЕВЫ ЯДВИГИ

Дмитрий Львович Казаков

Рыцари королевы Ядвиги

Серия «Демоны Вальхаллы», книга 2

редакторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171657

Аннотация

Бывшие солдаты, сбежавшие из самой лучшей тюрьмы за всю историю человечества...

Слуги телепатов-негуманоидов, сумевшие вернуть себе свободу...

Наемники, побеждавшие на десятках планет по всей Галактике...

Демоны Вальхаллы.

Они нашли новый дом среди звезд, меж существ, похожих на выходцев из страшного сна. Но когда над родной Землей, возрадившей их и предавшей, нависла смертельная опасность, они вернулись.

Прилетели обратно, восстали из мертвых, чтобы победить...

Содержание

Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Дмитрий Казаков

Рыцари королевы Ядвиги

*Вам, может быть,
одна из падающих звезд,
Может быть, для вас, прочь от этих слез,
От жизни над землей принесет
наши поцелуй домой.*

*И, может, на крови вырастет тот дом,
Чистый, для любви. Может быть, потом
Наших падших души не коснется
больше зло.*

«Кукрыниксы»

Часть первая

Младшие сегменты

Тяжелая вибрация пронзила тело, заставила содрогнуться все мышцы, вплоть до самых крохотных. Вильям дернулся, попытался понять, где он, что с ним творится, и открыл глаза.

– Клянусь четверкой, – пробормотал он, обнаружив, что лежит на полу в просторном зале.

Взгляд уткнулся в низкий золотистый потолок, по которому во всех направлениях бегали тусклые огоньки. Зверски

болела голова. Как всегда после долгого пребывания в антибиотическом сне.

– Крокодилья жопа, неужели прилетели? – Лежащий неподалеку громадный чернокожий сел, заморгал налитыми кровью глазами.

При этих словах в памяти точно лопнула невидимая преграда, и Вильям Снарк вспомнил все, начиная с того ужасного дня, когда он, скромный работник городского архива в Ливерпуле, очнулся после жуткой попойки и обнаружил себя в тюремной камере. Все, что случилось потом и закончилось тут, в трюме звездолета чужаков...

– Похоже на то, – уверенно и спокойно, как всегда, проговорил Ли, маленький, жилистый и узкоглазый. – И, судя по ощущениям, летели мы очень долго. Месяц, а может быть, даже и больше.

И он принялся растирать занемевшую от долгой неподвижности ногу.

Огоньки бегали по потолку и стенам, освещая зал, заполненный измученными грязными вооруженными мужчинами. Они кряхтели, сопели, разминали конечности, переговаривались. Бывшие солдаты Звездного Легиона, прошедшие через десять лет войны, выжившие и сохранившие рассудок в Вальхалле, выглядели диким сбродом, и недоразумением казались в их руках тяжелые винтовки.

– Хотелось бы еще знать, куда прилетели. – Попытавшись сесть, Вильям обнаружил, что мускулы слушаются не очень

ОХОТНО.

– Скоро узнаем, видит Святая Дева, – недовольно кричась, буркнул Арагонес. – Ух, как все болит-то...

Огоньки заморгали ярче, и один из участков стены, на вид ничем не отличающийся от других, ушел внутрь. В проеме появилась высокая фигура, похожая на изваяние древнего бога – рогатая голова из золота, расшитая янтарем хламида до пола.

Гражданин патроната Рао-Се.

Чужак.

Нелюдь.

Телепат.

Тот, кто спас легионеров от верной гибели, вырвал людей из рук их сородичей.

– Привет вам, доблестные воины, – прозвучал из-под хламиды тонкий вибрирующий голос. – Надеюсь, что странствие через бездну космоса не повредило вашим телам и умам.

– И мы надеемся. – Ли поднялся, вышел вперед. Рядом с ним плечом к плечу встали другие предводители бывших легионеров – Ван Хьен, обманчиво хрупкий и изящный уроженец Вьетнама, и Серое Облако, появившийся на свет в племени навахо. – Еще раз благодарим за помощь.

– Не стоит упоминания. – Рогатая башка качнулась, мигнули серебристые огоньки в прорезях глаз. – В данный момент мы находимся на территории... хм... на ваш язык это

можно перевести как «свободный порт». Называется он Шарендар и находится в системе звезды Гароман. Патронат Рао-Се держит здесь представительство, и вам надлежит посетить его, дабы быть представленными патрону.

– Представленными? – нахмурился Серое Облако. – Что это значит?

Вильям сумел наконец совладать с непослушными мускулами и поднялся. И теперь стоял среди мрачных, раздраженно сопящих легионеров, ощущая крепкий запах мужского пота и грязной одежды.

Голос «идола» изменился, стал заунывным:

– Лишь граждане патроната могут пребывать под его защитой, и только члены клана под ведением патрона могут носить имя граждан патроната...

– То есть ты хочешь представить нас своим старшим? – уточнил Ли. – Чтобы они, как бы это сказать, узнали о нас? Так?

– И это тоже. Но, помимо того, необходимо очень многому вас научить, чтобы вы узнали законы патроната и не опозорили его непредумышленными ошибками.

– С волками жить – по-волчьи выть, и деваться нам некуда, – пробормотал круглолицый и усатый Олег Соболев, один из легионеров второго призыва.

Ли, Ван Хьен и Серое Облако переглянулись. Их, судя по всему, посетили схожие мысли.

– Хорошо, – сказал китаец. – Мы готовы.

– Радостно слышать сие. Следуйте за нами.

И раосеец, не разворачиваясь, поплыл обратно.

Бывшие легионеры цепочкой двинулись за чужаком.

– Эх, лезем, как говорит Гаррисон, в задницу к аллигатору, – сказал Вильям и закинул на плечо винтовку.

– Не, я так не скажу, – покачал головой могучий уроженец джунглей Конго. – С жопой крокодила все ясно, а тут впереди – непонятно что. Но ничего, где только наша не пропадала!

– И там не пропадала, и сям не пропадала, – буркнул Арагонес. – Интересно, а что у них тут?

За проемом в переборке обнаружился коридор – те же огоньки на потолке, стены из желтого металла, пружинящий под ногами пол.

Бывшие легионеры шагали, с любопытством поглядывая по сторонам. Дверей не имелось, как и вообще каких-либо отверстий. Стены и потолки выглядели монолитными, без швов и стыков.

На Таугросе, когда беглецы в спешке грузились на корабль чужаков, спасая собственную жизнь, разглядывать внутренности звездолета не было возможности. Окунулись в яркий желтый свет, а потом очутились в том зале, где провели все время путешествия через гиперпространство.

Но сейчас от бывших легионеров ничего не прятали.

По движущейся дорожке, похожей на эскалатор из золотистой шкуры, они спустились в еще один зал. Встретили

нескольких раосейцев много меньшего роста, чем первый, в длинных темно-зеленых хламидах. Те не обратили на людей внимания, проплыли мимо. Затем узники Вальхаллы прошли через шлюз, причудливый, но вполне узнаваемый, и оказались в коридоре совсем другого вида.

Потолки тут были очень высокими, а меж стен с легкостью проехал бы тяжелый транспортер. Пол светился, а в круглых иллюминаторах, расположенных на двухметровой высоте, виднелась щедро усыпанная звездами чернота космоса.

– Это мы, похоже, уже в свободном порту? – предположил Вильям.

– Истину глаголешь, – отозвался шагающий впереди раосеец. – Это причальная колонна, что принадлежит патронату и его союзникам. Скоро мы окажемся на общей территории, и там постарайтесь не отставать. Тут очень легко потеряться. Оружие не примените случайно.

– Своевременное предупреждение, видят духи, – сказал Ли и сурово поглядел на Арагонеса.

Тот сделал вид, что ковыряет стволом винтовки в ухе, а вовсе не готовит ее к стрельбе.

Коридор закончился раздвижными дверями. Пройдя их, раосеец и пять десятков землян очутились на оживленной улице. По ушам ударила настоящая какофония – шорох колес, стук шагов, писк, шипение, урчание и чириканье, рычание моторов и ритмичная музыка.

Вильям замер, в ошеломлении уставившись вверх.

Где-то там, над крышами тяжеловесных, но в то же время изящных домов, находился потолок. Но он был настолько прозрачным, что оставался невидимым, и в антрацитовый бездне пылало огромное багровое светило, разбросавшее в стороны щупальца протуберанцев.

Незаходящее, негреющее солнце.

– Эй, не стой столбом. Пошли.

Арагонес дернул уроженца Ливерпуля за рукав, и очень вовремя. Вильяма едва не сбила с ног огромная, похожая на страуса птица с ярко-алым оперением. Открыла клюв с ружью человека и разразилась негодующим писком. Под распахнувшимися крыльями обнаружилось нечто вроде кольчуги, серебряистой, очень тонкой и какой-то живой на вид...

– Да, конечно, пошли. – Снарк криво улыбнулся птахе и поспешил вслед за соратниками.

Раосеец невозмутимо вел людей, словно воспитательница, сопровождающая малышей на экскурсии. А бывшие легионеры, посетившие не один десяток планет, ошеломленно крутили головами, хлопали глазами и открывали рты.

И трудно было их за это осуждать.

Такого изобилия чужаков не видел никто из уроженцев Земли и ее колоний. Тут встречались существа, будто явившиеся из сказок, и твари, вышедшие из кошмарного сна любителя наркотиков. Попадались известные – корхвеги, вителлиане, при виде которых рука сама тянулась к винтовке. Но большей частью встречались представители рас, мало

знакомых даже Федеральной комиссии по контактам.

Ковыляли на уродливых ногах громадные шары с бахромой из щупалец, и им уступали дорогу все остальные. Плавно скользили, непонятно на что опираясь, очень высокие изящные создания с множеством рук и единственным глазом на лишенной растительности голове. Топали здоровенные птицы, ящеры, осьминоги, катили самые разнообразные экипажи, даже отдаленно не напоминающие автораэры.

Обитатели свободного порта Шарендар останавливались, чтобы поболтать со знакомыми, заходили в магазины, которые можно было опознать по табло у входа. Сидели в кафе, откуда воняло, если судить людскими мерками, крайне тошнотворно.

Здания тут были самые разные. С громадами из металла соседствовали хибары, построенные из чего-то, напоминающего бревно. Шарообразные конструкции теснились рядом с пирамидами и нагромождениями трубок. Блестели квадратные и круглые окна.

И эту безумную, сюрреалистическую картину освещало бешеное алое солнце.

Причальная колонна снаружи и вправду напоминала толстенный столб из серого металла. Стена из таких столбов уходила вправо и влево, формируя что-то вроде горизонта.

По ней можно было судить, где лежат границы Шарендара.

На раосейца и шагающих за ним людей поглядывали с

любопытством, иногда даже с излишним. Открывались окна вторых, третьих этажей, оттуда вылезали морды, рыла и большие глаза на стебельках. Таращились неотрывно, и было в этих взглядах никак не дружелюбие.

В какой-то момент Вильям почувствовал, что у него кружится голова. Захотелось посильнее ущипнуть себя, чтобы проснуться, вырваться из дикого кошмара в обычный мир, где вокруг только люди...

– Ой, смотри, какой! – удивленно воскликнул Гаррисон и ткнул черной ручищей в шагающего им навстречу чужака.

Арагонес выпучил глаза:

– Неужели наш?

Чужак и вправду походил на человека – две руки, две ноги, наряжен в серо-черно-желтый комбинезон.

– Нет, это невозможно, – покачал головой Соболев. – Как говорится, не все то солнышко, что встает...

Вильям пропустил очередную загадочную русскую поговорку мимо ушей и внимательнее пригляделся к чужаку. И обнаружил, что сероватая кожа того состоит из сотен мелких чешуек, руки сгибаются не в двух, а в трех местах, и глаза – фасеточные, точно у насекомого.

– Не наш, – пробормотал Снарк. – И то, честно сказать, откуда здесь взяться человеку?

Чужак затерялся в толпе, а вскоре они свернули с центральной оживленной улицы в узкий переулок. Прошли мимо смахивающего на бар заведения, у дверей которого муту-

зили друг друга трое накачавшихся чем-то веселящим негуманоидов, и оказались у похожего на башню здания.

Гладкие желтые стены уходили в высоту метров на двадцать, и в них не было ни окон, ни дверей.

– Добро пожаловать в представительство патроната Рао-Се, – напыщенно проговорил проводник, и стена перед ним раскрылась.

Открылся низкий коридор с огоньками на потолке.

Точно такой же, как на звездолете.

Судя по всему, раосеец еще с корабля связался с начальством. По крайней мере, двое его сородичей в белых хламидах, встретившие людей в коридоре, не казались удивленными.

– Мир вам, славные воины, – сказал один из них, когда стена сомкнулась за последним легионером. – Мы рады приветствовать вас на территории патроната и рады осознавать, что патронат получает в вашем лице новых... – тут в гладкой речи случилась небольшая заминка, и Вильям насторожился, – ...подданных. Патрон Хал-Триг-Се-Семь готов вас воспринять, но чтобы предстать перед ним, необходимо очиститься... Прошу следовать за нами.

– Ох, что-то не очень мне это нравится, – прошептал Арагонес, склонившись к самому уху Снарка. – Может, пока не поздно, возьмемся за оружие?

– И что дальше? Обратно на улицу, к тем уродам? Нет уж, придется идти до конца.

Раосеец в белом привел людей в просторную комнату, заставленную шкафчиками без дверей. Тут пришлось снять оружие и одежду и посетить нечто, похожее на душ.

– Охо... – только и сказал Вильям, когда в крохотной прозрачной кабинке, где он с трудом уместился стоя, со всех сторон ударили струи горячей воды. – Сколько же я не мылся? Не меньше года...

Когда вернулись из душа, выяснилось, что одежда и винтовки исчезли, а вместо них в шкафчиках появились черные накидки, похожие на пончо.

– Что за ерунда? – нахмурился Ван Хьен. – Это еще зачем? А?

– И где мои любимые трусы с крокодильими хвостиками? – воскликнул Гаррисон, сжав кулаки размером с голову. – Как я без них? Отвечай, скотина рогатая!

– Не беспокойтесь, славные воины, – сказал раосеец в белом, все это время проторчавший в раздевалке. – Все будет возвращено вам после восприятия. Или вы не верите нашему слову?

– Верим, – процедил Ли, сердитым взглядом осаживая Гаррисона. – Хотя могли бы нас и предупредить. Сами понимаете, нам и так нелегко. Вот так вот попали в место, где нет ничего знакомого. А тут еще лишают последнего, что напоминает о привычном мире...

– Мы приносим свои извинения. – Голова-шлем чуть качнулась, мелькнули в прорезях для глаз сиреневые огоньки. –

Да, культурный шок очень силен. Но ничего, после восприятия вам будет легче. Обряжайтесь в ритуальные одеяния, и прошу последовать за нами...

И вновь один коридор сменялся другим, точно таким же, пол охлаждал босые ноги, а сердце вздрагивало от волнения.

– Мы пришли, – сказал раосец, когда проход закончился у самых настоящих ворот. – Не пугайтесь, но мы должны явиться к патрону голыми...

Его белая хламида заколыхалась, рогатая голова качнулась и поплыла вверх. Щелкнуло, зашуршало, и глазам ошеломленных легионеров предстало заключенное в облако света уродливое существо ростом в метр – корявое членистое тело, усы сверчка, скрюченные конечности. Никаких признаков глаз или рта на том сегменте, что вроде бы являлся головой.

– Так это скафандр... – прошептал Ли потрясенно, а Вильям облизал пересохшие губы.

По толпе людей прошел оживленный шепоток, кое-кто скривился.

Оставшиеся двое раосейцев тоже избавились от хламид и шлемов и оказались точно такими же висящими в воздухе лапчатыми и усатыми глистами-переростками. Стало понятно, почему коридоры звездолета и представительства имеют столь низкие потолки.

Хозяевам без скафандров они были вполне по мерке, а иноплеменников внутрь пускали не так часто.

– Фу, пакость какая. Аж тошнит, – поморщился Арагонес. – Раньше-то они выглядели куда приличнее...

– Мы осознаём, что наш облик мало приятен большинству разумных, – сказал один из раосейцев. – Но это нас не волнует и не печалит. Мы просто обязаны принимать меры, чтобы не вызвать напрасной вражды.

Похожий на человеческий голос являлся лишь отражением телепатической передачи, идущей прямо в головы людям. И ментальной мощи усатого червяка с лапками вполне хватало на то, чтобы общаться с толпой.

– Следуйте за нами, – добавил другой раосеец, и тяжелые створки, украшенные орнаментом в виде переплетающихся лент, разошлись в стороны.

Открылось большое темное помещение, пахнуло теплом и вонью протухших яиц. Затем высоко вверху вспыхнул свет, и стала видна груда коричневой земли. Она пошевелилась, и Вильям с ужасом понял, что это не земля, а исполинский червяк разлегся на возвышении, заполнил его членистым лоснящимся телом.

Поднялись и качнулись усы высотой в рост человека.

– Меня сейчас вырвет, – сказал кто-то из легионеров. – Хотя нечем, похоже... О боги Земли...

– **ВОЙДИТЕ ЖЕ.** – Новый мысленный голос принадлежал патрону Хал-Триг-Се-Семь и был настолько мощным, что от него, казалось, дрожали стены. – Мы рады, что патронат растет...

Трое раосейцев, так и не касаясь пола, поплыли вперед, свет вокруг их тел стал ярче.

Вильяму захотелось развернуться и помчаться прочь от чудовища, умеющего залезать в чужие умы. Но вместо этого он почему-то шагнул вперед. Боковым зрением увидел лица соратников – бледные, потные, с бешено вытарашенными глазами.

Людей тащило вперед помимо их воли, руки и ноги дергало, как конечности у марионеток.

– НАЧНЕМ ЖЕ, – прогремыхал патрон и колыхнулся всем исполинским телом, рядом с которым анаконда выглядела бы дождевым червяком.

А потом Вильяму почудилось, что ему на голову свалилась каменная плита.

Он вроде бы упал, и сознание вылетело из тела, будто пробка из бутылки шампанского. И помчалось вверх по темному колодцу, чьи стены оказались покрытыми мозаикой воспоминаний...

Вот Вильяму пять лет, он стоит на набережной и смотрит на проплывающий мимо корабль, и тот кажется громадным и интересным...

Вот родители незадолго до той злосчастной орбитальной экскурсии...

Вот университет Глазго и девушка, с которой Снарк встречался на первом курсе...

Возвращение в Ливерпуль... Джудит... Ревущий стадион

«Энфилд»...

Вильям содрогнулся, когда пошли воспоминания, связанные со Звездным Легионом. Захотелось крикнуть: «Стойте! Я не хочу это видеть!» Но выяснилось, что кричать нечем, и вопль так и остался беззвучным...

База «Инферно-1» и ненавистный сержант Фрезер, кошмар для курсантов¹...

Первый выброс... Тритония... И жуткое поражение, вонь горелой плоти и бегство через лес...

Пейзаж Урдистана, госпиталь... У-прививка, первая победа на Новом Орегоне...

Планета Таугрос – поле гражданской войны, корхвеги и их столица...

Триумфальное возвращение на Землю и шок от осознания того, что там прошло почти полвека. Попытки устроиться в обычной жизни, приступы агрессии, кошмарные сны...

И Вальхалла, вкопанный в землю лабиринт на планете Арстрим, куда заперли бывших легионеров, ставших жертвой излишне удачного эксперимента. Всех, кто обрел невероятную способность к регенерации...

Костры, на которых горят безумцы... Собственное воскрешение из «мертвых»...

Солдаты сумели вырваться из Вальхаллы, захватить корабль и сбежать, но так и не нашли места среди людей. И вновь угодили бы в заключение на том же Таугросе, если бы

¹ Эти события описаны в романе «Демоны Вальхаллы» (прим. автора).

не спасший их раосец...

Когда воспоминания дошли до этого места, колодец закончился, в глаза ударил яркий свет. Вильям услышал тысячи голосов, бормочущих нечто невнятное. В голове что-то заворочалось, мозг напрягся, пытаюсь усвоить настоящую лавину новой информации, и не выдержал...

Свет сменился тьмой.

* * *

Сознание вернулось, его точно вставили в голову.

Вильям резко сел, хватая ртом воздух. И обнаружил, что находится в том же зале, вокруг в живописных позах валяются стонущие соратники, неподалеку парят окутанные светом раосейцы, а патрон все так же возлежит на своем возвышении, мирно шевеля усами.

– ПЕРВЫЙ ОЧНУЛСЯ. – В этот раз ментальное воздействие его голоса оказалось не столь мощным. – Ну, и как?

Вильям открыл рот и вдруг понял, что знает многое о тех существах, что спасли их на Таугросе.

Каждый сегмент патрона или простого раосейца обладал разумом и способностью к отдельному существованию. Именно поэтому червяки-переростки именовали себя «мы». Чем больше сегментов соединялось, тем мощнее в телепатическом плане делалось единое существо и тем труднее становилось ему двигаться.

– Что вы со мной сделали? – спросил Вильям.

– Восприняли тебя, – ответил один из раосейцев, вроде бы тот, что привез их на звездолете.

Вместе со знанием появилась и способность различать мысленные голоса.

– Теперь ты – один из младших сегментов клана Триг-Се патроната Рао-Се, – добавил другой. – В твоей голове содержится информация о нашем обществе, так что ты должен понимать, что это значит...

Вильям открыл рот, и дыхание перехватило.

Да, теперь он знал о том, что сотни тысяч лет назад на родной планете раосейцы выжили только благодаря телепатическим способностям. Они научились подчинять себе неразумных животных и использовать их в качестве охранников, носильщиков, рабочих. Позже, выйдя в космос и столкнувшись с другими расами, они попытались применить тот же прием и тут, но быстро осознали, что лишенный воли раб мало для чего годится, а разумные существа крайне плохо относятся к тем, кто пытается отнять у них свободу.

И после нескольких войн патронат Рао-Се сменил тактику.

Чужакам позволили входить в кланы, состоящие из родственников, получать защиту и права граждан патроната, но – в обмен на услуги, в которых нуждались столь могучие ментально, но ущербные физически существа, как раосейцы...

Кто угодно, корхвеги, вителлианин или кровожадный то-зорг – Вильям понял, что в него, помимо знаний о патронате, впихнули еще и кучу информации о прочих расах, – мог стать «младшим сегментом» одного из патронов, то есть чем-то средним между наемным работником и слугой. Это давало определенные преимущества, и главное – возможность пользоваться защитой Рао-Се, но налагало и обязательства.

И просто так отказаться от них «младший сегмент» не мог, иначе сразу становился преступником в глазах собственных хозяев. А значит – жертвой первого же раосейца, способного легко выжечь мозги почти любому разумному существу в пределах Галактики.

– Клянусь четверкой... – только и смог выдать из себя Вильям, пытаясь осмыслить весь объем новых знаний.

С таким же успехом можно было пытаться грести ложкой. Он хорошо ориентировался в царящих в свободном порту Шарендар порядках и законах. Представлял расположение системы Гаромана в одном из наиболее населенных секторов Галактики и мог перечислить соседние звезды. Знал, как вести себя при встрече с представителями десятков рас, от крошечных ачитра до громадных оро-ро-ро.

И, что самое главное, – четко ощущал, что у него, как у «младшего сегмента», есть долг перед кланом Триг-Се, долг за спасение, который необходимо вернуть, иначе чувство вины отравит ему жизнь...

«Они что-то сделали с моей головой, эти червяки-переростки, – подумал Вильям. – Вложили туда все, что им нужно, и наверняка что-то убрали. Но что? Я скорее всего это никогда не вспомню...»

Он глянул на патрона и его подопечных и осознал, что более не испытывает к ним отвращения. Оно исчезло, точно последний зимний снег под лучами апрельского солнца.

Мысль о том, что все его воспоминания, начиная с детских, чистых и светлых и кончая самыми интимными, стали достоянием членистого уродца, вызвала раздражение. Захотелось ухватить предводителя клана Триг-Се за шею, ну, или хотя бы за тело около усов, и сдавить как следует.

Возглас зашевелившегося Гаррисона заставил его вынырнуть из невеселых размышлений:

– Крокодилья мошонка! Ох, как трещит голова, и чего-то в ней много всего... ой, много, заешь меня...

Севший на пол уроженец африканских джунглей сбился на неразборчивое бормотание, глаза его выпучились, в них застыло дикое удивление. Вильям невесело улыбнулся, пытаясь представить, что испытывает сейчас простой парень, никогда не задумывавшийся над вещами более сложными, чем винтовка и разумное существо в прицеле.

Начали шевелиться другие легионеры.

Одни молча поднимались на ноги и замирали в ступоре, другие начинали часто-часто моргать, третьи срывались на крик. Измененное сознание с трудом возвращалось в остав-

шиеся такими же, как и раньше, мозги. Раосейцы не двигались и молча наблюдали за происходящим.

– Ничего себе... – проговорил Ли, справившийся с потрясением одним из первых. – Как же так? И что дальше?

– **НОВАЯ ЖИЗНЬ**, – ответил патрон так, что его услышали все. Длинные усы задрожали, точно на ветру.

– Да? И для него? – спросил Ван Хьен, безуспешно пытающийся привести в чувство высокого белобрысого легионера.

– Не старайся. Он мертв, – проговорил тот из раосейцев, что был на корабле. – Мы очень сожалеем, что так получилось, но иначе нельзя. Негибкая психика не способна к восприятию.

– Что значит – мертв? – нахмурился Серое Облако. – Таких, как мы, так просто не убьешь. Он вскоре оживет...

– **НЕТ**, – вновь качнул усами патрон. – Его нервная система разрушена и не может быть восстановлена как целостность. Мы сожалеем, но сделать тут ничего не в состоянии.

– Мертв... Не может быть... – Ван Хьен улыбнулся и вдруг засмеялся нервным судорожным смехом. – А ведь мы настолько привыкли к собственному бессмертию, что забыли думать о смерти...

– Мы понимаем, что вас душат негативные эмоции, – заговорил один из раосейцев, ранее прятавшихся под белой хламидой; как знал Вильям теперь – работник представитель-

ства. – И это совершенно нормально. Вы скорбите по тем, кто умер, а еще опасаетесь, что мы используем ваши личные воспоминания против вас...

Снарк вздрогнул – червяки прочитали его мысли; да, похоже, и не только его.

– Это естественно для одинарных существ, – продолжал раосеец. – Но у вас нет причин для беспокойства, ибо память каждого сегмента является достоянием клана и патрона и такие вещи, как тайна, скрытность или неловкость, для нас не существуют. Мы едины, и в этом наша сила, и вы теперь тоже едины с нами.

Легионеры слушали молча, многие хмурились, кое-кто сжимал кулаки. Но злости и готовности ринуться в драку не было в бросаемых на нелюдей взглядах – только усталость и тоска.

– И стоит сказать, что наш сегмент Хархи-Се-Двенадцать избавил вас от опасности лишь потому, что уловил вашу похожесть на нас. По видимости, вы все – одинарные существа, но в самом деле ваше отличие от прочих людей сделало вас единым разумом...

– ХВАТИТ, – прервал разболтавшегося подчиненного патрон. – Для них и так многовато. Займись лучше телами.

Вильям огляделся – несколько человек по-прежнему неподвижно лежали на полу и, судя по всему, не дышали.

Замолчавший раосеец вздрогнул, задергал короткими лапками. Двери открылись, в зал въехал аппарат, похожий на

автомобильчики вроде тех, которые используют на стадионах, чтобы увозить травмированных игроков за пределы поля, только гораздо больше и какой-то кривой. Гладкое днище светилось, из боков свисали длинные гофрированные щупальца-манипуляторы. А в передней части, там, где на Земле сидел бы водитель, торчал пучок напоминавших усы антенн.

Повинуясь жестам раосейца, аппарат принялся шустро разъезжать по залу и грузить на транспортную платформу тела тех, кому не повезло пережить восприятие. Вильям посторонился, пропуская чудной транспорт мимо, и тот покатил к Ван Хьену, точнее – к его погибшему приятелю.

– Что будет с телами? – спросил вьетнамец, взглянув на патрона.

– КРЕМАЦИЯ, – ответил тот. – И таблички в Месте Памяти, в разделе младших сегментов. Мы тоже подвержены смерти, как и вы, одинарные, хотя не так часто. Всякое случается.

И в этот момент ментальный голос главы клана прозвучал вполне по-человечески.

– А с нами? – спросил Ли.

– Вас поселят на нашей территории и дадут время отдохнуть и привыкнуть. Но перед этим – еще одна крохотная процедура.

Сотрудник представительства, управляющий транспортным средством, поплыл к двери. Нагруженный телами «автомобильчик» последовал за ним, покачивая усами. Второй со-

трудник поднялся несколько выше, облако света вокруг него сделалось гуще.

– Прощу следовать за нами, – прозвучало в голове у каждого легионера.

– Еще одна процедура, – проворчал Арагонес, в числе остальных шагая прочь от патрона, к дверям. – Дай мне по башке сама Святая Дева, если это не окажется очередной пакостью, и не мелкой, а крупной. . .

Вильям ничего не ответил. Слишком много оказалось пережито за последнее время, слишком много эмоций прошло через душу. И сейчас она словно омертвела, отключилась, спасая себя от излишнего напряжения. Лишь где-то в самой глубине сохранилось легкое раздражение.

Их вывели из зала, и после недолгого пути по одинаковым безликим коридорам они оказались в небольшой комнатке. Вдоль стен тут громоздились шкафы из пластика, центр занимал уставленный странного вида приборами стол. На нем все помаргивало, светилось, издавало жужжащие, пиликающие и стрекочущие звуки.

– Каждый сегмент патроната Рао-Се носит в своем теле биочип, – сказал раосеец, медленно вращаясь вокруг собственной оси и дергая лапками. – Он заменяет то, что вы, люди, называете документами. Необходимо вживить такой биочип и в ваши тела, и только после этого вы станете полноправными гражданами.

– А если мы не захотим? – набычился Гаррисон. – Еще

чип какой-то в задницу вживлять...

– Не в задницу, а в конечность, – хладнокровно заявил раосеец и потряс лапками. – В ту, которую вы именуєте правой рукой. Без этого чипа вы будете считаться субъектами без гражданства, и на территории свободного порта любой из представителей сильных рас может убить вас, не боясь ответственности. Или похитить для своих целей. Не все из сильных являются друзьями людей.

– Ладно, вживляйте. – Арагонес сделал шаг вперед, поднял мускулистую, перевитую жилами руку. – Если уж я браслет легионера носил почти семь лет, с вашим биочипом как-нибудь проживу.

– Воистину слова доблестного воина. – Раосеец изобразил что-то вроде поклона и поплыл к столу.

Один из приборов, напоминающий большую кофеварку, запиликал громче. Сфера на его верхушке раскрылась, и из нее беззвучно вылетело облако мелких желто-черных мух.

– Это еще что? – невольно отшатнулся Вильям.

– Биочипы. – Раосеец, похоже, управлял прибором силой мысли. – Псевдоживые кибернетические организмы. Не пугайтесь. Они сами внедряются в ваши тела, не причиняя боли.

Сфера с клапаном захлопнулась.

«Мухи» подлетели ближе, стали видны крохотные плоские тела, бахрома белесых щупалец, мерцание вокруг спиннок, так похожее на трепещущие крылышки. Первая уселась на кисть Арагонесу, поползла вверх, к запястью, а потом за-

мерла и принялась мелко вибрировать.

– Щекотно, – хихикнул уроженец лучшего в мире города Сан-Педро.

Очередная «муха» опустилась Вильяму на предплечье, и он ощутил мягкое, почему-то неприятное прикосновение. Оно перешло в боль, крошечное существо стало погружаться в плоть, точно в воду. Показалась и исчезла капелька крови, кожа сошлась над блестящей спинкой.

Не осталось ни малейшего следа, даже шрама.

– Ничего себе, клянусь четверкой! – Вильям осторожно пощупал то место, куда нырнул чип, и обнаружил в глубине небольшое уплотнение.

– Да уж, не было ни гроша, и вдруг алтын. – Соболев вздохнул, пошевелил усами и, как всегда в такие моменты, стал похож на кота.

Гаррисон удивленно разглядывал собственную руку, Ли выглядел спокойным, и все без исключения – усталыми.

– Вот и все, – подал голос раосеец, про которого в какой-то момент все забыли. – Прошу за нами.

Последовал новый путь по коридорам и бегущим дорожкам, заменяющим лестницы, на этот раз – вниз. Он закончился в широком тоннеле, в стенах которого обнаружили самые настоящие двери.

– Мы постарались оформить помещения так, чтобы вам было удобно, – сказал раосеец. – Заходите и располагайтесь. Каждое помещение рассчитано на пять сегментов. Ско-

ро вам принесут пищу.

– Ну, спасибо, – пробурчал Вильям и толкнул ближайшую дверь.

Видно было, что хозяева и вправду постарались создать нечто похожее на людской интерьер. На потолке выделялся осветительный блок, откровенно декоративный, у стен стояли кровати с намертво приросшими к ним подушками и одеялами, в центре – столик и стулья. Угол занимал санитарный блок, оттуда доносилось журчание и бульканье. Мягко золотились стены, бегали по потолку огоньки, а пол напоминал шкуру или багровый ковер с длинным ворсом.

– А неплохо, – заявил Арагонес, заваливаясь на ближнюю к двери кровать. – Жестко, но это ерунда... Только бы пожрать принесли и одежду нормальную вернули, а то в этом мне как-то неуютно... – И он с отвращением дернул за подол черной хламиды.

– Вернут, – сказал Ли уверенно. – Они не нарушают слова.

Вильям тоже улегся, Гаррисон исчез в санитарном блоке, а Соболев принялся обследовать торчащие из стен на метровой высоте серебристые металлические «грибочки».

– Как же не нарушают, – проворчал Арагонес. – Обещали ведь, что не станут нас нанимать, а сами чуть ли не свободы лишили.

– Дырявая у тебя память. – Ли поглядел на него, как сержант на новобранца. – Они дали слово, что не причинят вреда. Не причинили. Плюс сделали этими самими, как их там,

сегментами. Но по-другому нельзя было. Ты что, думал, они нас привезут сюда и так просто выпустят? Пять десятков злобных вооруженных парней? Чтобы мы по незнанию войну устроили?

– Они не могли так сделать, – сказал Вильям. – Тем самым причинили бы вред себе. А этого наши – ха-ха! – старшие сегменты делать не любят. Поэтому они поступили единственным возможным образом. Меня больше волнует другое – как мы вернем наш долг...

– Как, как... – Соболев щелкнул по одному из «грибочков», тот отозвался мелодичным звоном. – Мы хорошо умеем только одно – убивать и при этом выживать самим. И варианты тут исключены. Не скажу, что мне так хочется воевать, но черви вживили чувство вины, и...

Договорить он не успел.

Дверь тихонько клацнула и открылась. В комнату медленно вплыл аппарат вроде того, что забирал тела из зала патрона, но гораздо меньше и с куда большим числом манипуляторов. Он неторопливо проплыл к столу и принялся снимать с транспортной платформы круглые высокие миски с бурой густой жидкостью. Первая стукнулась о поверхность стола, вторая...

По помещению поплыл пряный запах.

– Вот и обед! – радостно воскликнул Арагонес и вскочил с кровати.

– Остается надеяться, что он окажется съедобным, – до-

Примерно двое земных суток им дали на то, чтобы отдохнуть и прийти в себя.

Никто не беспокоил бывших легионеров. Им в комнаты регулярно доставляли сытную, хоть и непривычную на вкус пищу. Приходилось, правда, сидеть в четырех стенах, но никто особенно никуда и не рвался.

Одежду вернули на второй день. А вскоре после этого неугомонный парень из соседней комнаты выяснил, что торчащие из стен «грибочки» – что-то вроде портов местной коммуникационной системы. Сумел настроить канал на прием и погрузиться в причудливый гибрид Сети и телевидения.

Час за часом бывшие солдаты Земли смотрели на чужую странную жизнь и пытались в ней разобраться. Немного помогли в этом знания, полученные в момент восприятия.

Довольно быстро удалось понять, что обитатели свободного порта общаются на нескольких основных языках, неких общих наречиях, позволяющих контактировать представителям схожих биологических видов. Всего таких койне было пять, первое предназначалось гуманоидам, второе – рептилиям, третье – насекомобразным тварям, общавшимся жестами. Четвертое – тем, кто предпочитает визжать и пищать, пятое – любителям поговорить с помощью запахов.

Именовали их сокращенно «базязы» и различали по номерам.

Общей для всех без исключения была только универсальная письменность, принцип организации которой оказался настолько сложен, что Эйнштейн, взявшись понять его, сломал бы себе мозги.

Примерно через сорок восемь часов после восприятия одновременно прервалась трансляция в комнатах, где жили люди. Все до единого экраны заняло изображение одного из раосейцев, похоже, того, что присутствовал на обряде и вживлении биочипов.

– Привет вам, младшие сегменты, – сказал он сухо и торжественно. – Патрон Хал-Триг-Се-Семь желает видеть вас. Немедленно собирайтесь и будьте готовы.

– Вот так, – заметил Арагонес, когда на экран вернулось кулинарно-каннибальское шоу из жизни разумных богомолов и пауков. – И никаких больше «доблестных воинов», никакой вежливости... Встать! Шагом марш! Тьфу!

– В этом прочие расы, похоже, мало отличаются от людей, – сказал Ли. – У них, как и у нас, принято время от времени относиться к своим, к родственникам или к друзьям, куда хуже, чем к чужакам...

Вильям молча всунул ноги в ботинки, зашнуровал их и вслед за приятелями зашагал к двери. В коридоре столкнулись с соратниками из соседних комнат, начались разговоры.

Все замолчали, когда тупик, которым заканчивался коридор,

дор, раскрылся и в него в ореоле мягкого света всплыл раосе-
ец.

– Вы готовы? Очень хорошо, – проговорил он. – Следуйте за нами.

За червяком-проводящим люди проделали путь до зала патрона. Когда украшенные орнаментом створки разошлись, стало ясно, что обиталище главы клана изменилось. Появились громадные «вазы», белые и желтоватые, стеллажи и сложные конструкции из металлических лент и штырей, словно явившиеся из мечты безумного изобретателя...

Но Хал-Триг-Се-Семь остался тем же самым.

– ПРИВЕТ ВАМ, МЛАДШИЕ СЕГМЕНТЫ, – прогрохотал он. – Хорошо ли отдохнули вы, восстановили ли баланс ваших организмов?

– Вполне, – ответил за всех Ван Хьен. – Благодарим за гостеприимство.

– Патрон должен заботиться о своих сегментах, – длинные усы дрогнули, – а они, в свою очередь, должны повиноваться ему...

– Ну, вот, началось, – мрачно прошептал Арагонес.

– Готовы ли вы вернуть долг за спасение? – поинтересовался Хал-Триг-Се-Семь.

– Готовы, – отозвался на этот раз Серое Облако.

– Эти слова радуют нас. Вы знаете историю нашего народа и понимаете, что мы не самые лучшие воины. И порой этим пользуются враги патроната. Так произошло и сто семьдесят

пять универсальных циклов назад...

Свободный порт Шарендар, как и вся совокупность разумных рас Галактики, пользовался единой шкалой времени. Основой ее служил период изменения яркости пульсара, известного на Земле под обозначением PSR BB 1937+21. Меньшая единица измерения этой шкалы составляла миллион таких периодов, называлась мини-циклом и в переводе на людские мерки равнялась тысяче пятистам шестидесяти секундам, или двадцати шести минутам. Тысяча мини-циклов входили в медиацикл, равный примерно восемнадцати земным суткам. Сто медиациклов – универсальный цикл, аналогичный пяти годам на Земле.

– ...сто семьдесят пять циклов назад извращенные хаурваки, – перед внутренним взором Вильяма появились те самые «богомолы», за которыми он недавно наблюдал, – сгореть всем им в огне Сверхновых, подняли суставчатые лапы на одного из патронов. Погубили его. Да, была заключена мировая, выплачена вира, но священная обида, нанесенная Рао-Се, может быть смыта только ответной священной обидой.

Снарк вспомнил налет на столицу Вителлианского Союза, одну из самых мерзких страниц собственной биографии, когда пришлось убивать детей и рушить чужие святыни...

На душе стало пакостно.

– Ныне настал подходящий момент для мести. – Патрон, если и заметил смятение одного из младших сегментов, не

дал об этом знать. – Хаурваки погрязли в сварах, их сила пошла на убыль. Сравняйте с землей древнюю гробницу их королев, что на планете Апион-Фарит, и долг перед кланом Триг-Се будет закрыт.

– Понятно, – сказал Ли задумчиво. – Но мы, как я понимаю, должны сделать это скрытно, чтобы ни тени подозрений не пало на клан и на патронат?

– Для одинарного существа ты мыслишь на редкость святоно. – Из уст раосейца прозвучал, похоже, настоящий комплимент.

– Но сотни глаз видели, что мы прибыли сюда на вашем корабле, и несложно будет догадаться, для кого именно выходцы с Земли разрушили гробницу этих, как их там, хаурваков.

– Вопросы маскировки мы берем на себя, – сказал патрон. – Главное – вы согласны?

– Разве тут откажешься? – проворчал Вильям, чувствуя, как свербит в глубине души. Будто там, как в яблоке, завелся непрерывно жуящий червячок, маленький, но очень зубастый. – А?

Ли, Ван Хьен и Серое Облако сошлись в кружок, несколько секунд пошептались, а потом вьетнамец сказал:

– Согласны.

– Мы рады, – объявил патрон, и по телу его прошла настоящая волна. – Значит, мы можем начать подготовку. Для начала вы должны научиться обращаться с подходящим ору-

жем, потом – начать выходить в город, чтобы приучить обитателей Шарендара к тому, что вы находитесь тут.

– В город? – заволновался Гаррисон. – Там ведь, наверное, и выпивка есть, и девки?

– Ага, в чешуе и с паучьими ногами, – ехидно сказал Арагонес.

– Для выходов за пределы представительства вам будут нужны, – продолжил патрон, – универсальные переводчики, трансформирующие слова любых разновидностей в мысленные импульсы...

– А мы сумеем с ними управиться? – засомневался Ли.

– Конечно. Они вживляются в тело... – Хал-Триг-Семь повел усами, и проводник, что до сего момента скромно держался у стены, выступил вперед. Потряс лапками, и ближняя «ваза» выплюнула горсть драгоценных камушков размером с лесной орех. Засверкали их грани, черные, темно-синие и прозрачно-голубые. – И куда-нибудь поближе к основным нервным узлам...

– Эй, это куда? – спросил чернокожий легионер из подопечных Ван Хьена. – В голову, что ли?

– Истинно так. На то место, что у вас называется лбом.

– Э, нет, я в такие вещи не играю, – решительно заявил Арагонес. – Видит Святой Рохас, башка моя мне дорога, и вставить в нее какую-то побрякушку я не позволю. Давайте обойдемся без этого.

Легионеры отозвались одобрительным шумом.

Патрон не проявил растерянности или раздражения.

– Но без переводчиков вы не сможете общаться с разумными, что населяют Шарендар, – сказал он спокойно. – А значит, всю жизнь будете вынуждены провести на территории представительства. Решайте сами, но нам кажется, что вам будет тяжело просидеть так долго на одном месте...

Кто-то выругался. Гаррисон принялся задумчиво чесать в затылке.

– А эта штуковина вживляется так же навсегда, как и биочип? – осведомился Соболев.

– Нет. Ее можно в любой момент вынуть, а затем вставить снова.

– Тогда я согласен. У вас тут, конечно, неплохо, но хочется... мир посмотреть, так сказать. – И Соболев смущенно закричал.

– Подходи и бери один из переводчиков. – Патрон приподнял ту часть тела, что могла считаться головой. – Тот, чей цвет тебе понравится. И прикладывай ко лбу. Он вырастет самостоятельно.

– Ох уж эти сумасшедшие русские... – восхищенно прошептал Вильям, глядя, как Соболев бесстрашно шагает к висящим в воздухе «драгоценным камням». – Только такие маньяки могли придумать водку и коммунизм...

Усатый легионер схватил кристалл цвета вечернего неба, мгновение помялся и резким движением поднес ко лбу. Вздрогнул, будто от сильной боли, а потом лицо его стало

растерянным.

– Ну, что? – не выдержал кто-то из парней Серого Облака.

– Ничего, щекотно только... – ответил Соболев и отнял руку ото лба.

Темный «драгоценный камушек» сверкал точно над переносицей, словно третий глаз из индийских мифов. Держался он непонятно как и выглядел утопленным в кость до половины.

– А снимать как? – спросил насупленный Гаррисон.

– Просто вынуть, – сказал патрон.

Соболев взялся за камушек и мягким движением вытащил его изо лба, как пистолет из кобуры. На коже осталась крохотная вмятинка, но она мгновенно затянулась без следа. По лицу скатилось несколько капель крови.

– Вот и все, – сказал Хал-Триг-Се-Семь, и ментальный голос его загрохотал, подобно грому. – ТЕПЕРЬ ВЫ УБЕДИЛИСЬ?

– Пожалуй, – проговорил Ли.

Вильям подумал, что если и в самом деле все с этим переводчиком так легко, то почему бы и не обзавестись им? И выйти потом за стены представительства, глянуть на свободный порт.

Последние сомнения улетучились с негромким шипением.

– Мы рады, – объявил патрон. – Подходите по одному и берите переводчики. Не бойтесь, их хватит на всех, и каждый

получит такой, что лучше всего приживется в его нервной системе.

Соболев приложил кристалл обратно ко лбу, а вперед шагнул Серое Облако.

Вильям не стал лезть в числе первых, подождал, пока самые нетерпеливые перестанут толкаться. Когда дошла очередь до него, хладнокровно выбрал почти прозрачный «камушек». Едва коснулся холодных и твердых граней, как почувствовал, что они слегка подрагивают.

Приложил ко лбу – возникло впечатление, что в кость вонзилось крохотное сверло. Не успел испугаться или удивиться, как оно исчезло. Через голову до затылка прошла легкая щекотка, и после этого переводчик перестал ощущаться, словно врос в череп или пропал совсем.

Вильям даже поднял руку, чтобы убедиться, что квазиживой прибор на месте.

Последние переводчики разобрали в считанные мгновения, и через десять минут все бывшие легионеры обзавелись блестящими «украшениями».

– Мы удовлетворены, – прогрохотал патрон. – Отведем на адаптацию ваши земные сутки, то есть через сорок мини-циклов первые из вас смогут посетить Шарендар. Но не все. Вы должны разбиться на три или четыре объединения, чтобы кто-то постоянно находился на территории города. Для почти всех разумных представители иных видов на одно лицо, и мы должны создать впечатление, что люди все

время здесь, в системе Гаромана...

В том, что касалось хитрости, червяки-телепаты могли дать фору кому угодно.

– А сейчас, – голос Хал-Триг-Се-Семь стал потихоньку угасать, – отправляйтесь в комнату оружия...

– Прошу за мной, – сказал провожатый.

Зал патрона остался позади, потянулись хорошо знакомые коридоры. Попались навстречу двое раосейцев, последовал длинный спуск аж по трем бегущим дорожкам, и очередная дверь привела в просторное помещение.

Слева от входа рядом стояли настоящие сейфы, пространство справа от него занимали столы. Широкая стойка метровой высоты делила зал на две части, и на дальней стене виднелись черные концентрические круги обычной мишени.

– Где-то я это уже видел, – пробормотал Вильям, вспоминая учебную базу «Инферно-1» и тот день, когда зеленых новобранцев впервые знакомили с оружием, с винтовкой «М-277 „Кобра“...

Тогда уроженец Ливерпуля думать не думал, что все так обернется...

– Просим пристального внимания! – громко сказал раосеец-проводник. – Вот с этим вам предстоит воевать во славу патроната Рао-Се и клана Триг-Се...

Легионеры перестали вертеть головами, стихли разговоры. Один из сейфов открылся сам, и из него, окутанная сиянием силового поля, выплыла толстая труба с приделанной

к ней пистолетной ручкой и складным прикладом. Блеснула коробка, прикрепленная к ней сверху.

– Что за чудо такое? – удивился Гаррисон.

– Дезинтегратор. Переделан под людскую руку. По линии поражения нарушает связи в строении твердых тел и тем самым разрушает их.

– А почему бы не использовать наши винтовки? – спросил кто-то из-за спины Вильяма. – С ними мы управимся куда лучше, чем с этой... с этой... штуковиной...

– Не сомневаюсь. – Раосеец издал звук, похожий на сухой смешок. – Но по ним вас очень легко вычислить, да и боеприпасов к оружию, изготовленному людьми, у нас нет. Другое дело дезинтегратор. Универсален, производится и используется на сотнях планет, прост в обращении, потребляет мало энергии. Давайте разберемся с его устройством...

Уродливая труба начала медленно вращаться, чтобы ее можно было рассмотреть со всех сторон.

Несмотря на толстый ствол, луч поражения у дезинтегратора был довольно тонким, выстрел оставлял небольшие круглые отверстия. Коробка представляла собой прицельный блок, а батареи, похожие на черные шершавые орехи размером с кулак, вставлялись с заднего торца трубы.

Закончив с объяснениями, раосеец выдал каждому по дезинтегратору и велел немного попрактиковаться со сборкой-разборкой.

– Все, как в старые добрые времена: добро пожаловать в

армию, сынок, и все такое, – пробурчал Арагонес, заглядывая в ствол дезинтегратора. – Только, видит Святая Дева, недостает злобного сержанта, чтобы орал, не переставая, и обзывался всякими гадкими словами. Этот, – он кивнул в сторону парящего в воздухе раосейца, – никак не годится. Больно вежливый.

– Ага, – согласился Вильям.

Инопланетное оружие оказалось куда более легким, чем можно было ожидать, исходя из габаритов, и простым в обслуживании. За десять минут все разобрались, как менять батареи, настраивать прицельный блок, проецирующий точку прицеливания на сетчатку глаза, а также регулировать мощность и дальность выстрела.

– Мы довольны, – сказал раосеец, – хотя мы и не сомневались, что такие доблестные воины, как вы, способны освоиться с любым орудием убийства очень быстро. Теперь вы должны попробовать стрелять. Подходите к барьеру по пятеро...

Вильям попал в первую пятерку.

Поднял дезинтегратор, активировал прицельный блок. Глаз зафиксировал слабую вспышку, точно пробежал по лицу солнечный зайчик, и в поле зрения появилась толстая рыжая точка. Когда Снарк повел ствол в сторону, она переместилась следом, показывая, куда будет направлен выстрел.

– Видят духи, они не только под нашу руку эту штуку переделали, – сказал оказавшийся соседом по стрельбе Ли. –

А еще и под наши мозги...

Попасть в цель с такой подсказкой сумел бы и пятилетний ребенок. Вильям поставил мощность на минимум, коснулся сенсора. Ударил полупрозрачный луч, и в центре мишени появилось крохотное отверстие.

– Очень хорошо. Следующие... – проговорил раосец.

Стрельбы продолжались еще примерно час, или два мини-цикла по местному времени. Довольный инструктор похвалил «младших сегментов» и отвел их обратно в «казарму».

– Прямо как во время службы, – сказал Гаррисон, входя в комнату. – Стрельбище, накачка от отца-командира...

– Местное начальство бесполое, а размножается и вовсе почкованием, – хмыкнул Ли. – И зря ты про службу вспомнил. Вдруг наши... э... старшие сегменты увидят у нас в головах, что для полного счастья людям необходима строевая подготовка, муштра и хозяйственные работы, век бы их не видать...

– Брр! – Арагонес сделал страшную рожу. – Упаси нас от этого все святые разом!

Вильям лег на кровать и нажатием на торчащий из стены «грибок» активировал портал доступа в информационную сеть. Перед лицом развернулся виртуальный экран, немного дрожащий, как поверхность воды на слабом ветерке. Неожиданно напомнил о себе переводчик – вокруг него возникла боль, прошла череп насквозь, из глаз потекли слезы.

Утерев их, Снарк замер с открытым ртом – то, что только что воспринималось как неразборчивые скрипы и сопение, стало внятной речью.

– Твои жвала нравятся мне, мне так хочется их пощекотать, – сказал с экрана здоровый паучище, похожий на корхвеги, но более ярко окрашенный и с глазами на стебельках. – Сердца мои бьются неровно, а прямоточные железы сокращаются судорожно...

Самка, которой предназначалась эта страстная речь, в два раза превосходила партнера размерами. Она слушала, скромно разведя в стороны три пары глаз и целомудренно поводя туда-сюда теми самыми жвалами, более всего напоминающими ручные пилы.

– О мама моя, – прошептал Вильям, глядя, как паук-самец отважно подступает к подруге. – Это же мелодрама...

– Эй, что с тобой такое? – поинтересовался Арагонес.

– Ничего. – Снарк обвел приятелей немного безумным взглядом. – Просто эта штука, – он коснулся пальцем переводчика, – работает...

– Да? – оживился Гаррисон. – Это хорошо, клянусь крокодилыми яйцами. Сейчас мы отыщем, где у них тут канал с порнухой...

– Зачем он тебе? – удивился Соболев. – Там же эти, всякие осьминоги и прочие птички развратом занимаются...

– Пусть непонятно, зато познавательное, – изрек Гаррисон и потянулся к порту доступа.

Мгновением позже его примеру последовали остальные.

* * *

– К загрузке информации подготовиться. – Голос раосейца, занимавшего должность «главного технолога» представительства, звучал пискляво, да и сам он был меньше собратьев.

Обрубок плоти ростом в полметра.

Тем не менее бывшие легионеры слушались его беспрекословно. Знали, что все происходящее – в их интересах.

Вильям закрыл глаза, поднял правую руку, где находился биочип. Под опущенными веками замелькали разноцветные пятна, квазиживой приборчик дернулся раз, другой и замер, а в голове появилась подробная схема свободного порта Шарендар с отмеченным на ней представительством патроната Рао-Се.

– Загрузка завершена, – сказал «главный технолог». – Половину мини-цикла надо выждать, а затем вы можете идти...

Полтора десятка легионеров одновременно вздохнули, с облегчением и в то же время нетерпеливо.

Примерно пять земных суток прошло с того момента, как земляне выгрузились из звездолета. Три дня назад, сразу после знакомства с дезинтегратором, их разбили на три приблизительно равных группы. Одну возглавил Ли, вторую – Серое Облако, лидером третьей оказался Ван Хьен. Со вче-

рашнего дня людей стали выпускать в город – строго по одной группе.

Настала очередь подопечных Ли отправиться в увольнение.

Этого мгновения они ждали и потому сейчас волновались все до единого, даже невозмутимый внешне бывший сержант.

– Можете идти, – разрешил «главный технолог», когда прошло тринадцать земных минут.

Стена перед легионерами раскололась. Открылся узкий проулок, зажатый между серыми зданиями, похожими на казармы. Мигнула лиловым огнем вывеска: «Бар „Мясоед“: для хищных посетителей».

– Вперед, – сказал Ли и первым сделал шаг.

Переулок миновали быстро и оказались на оживленной широкой улице. Над ними распахнулось черное небо с огромным глазом Гаромана, чей пурпурный свет казался неприятным. Обрушилась звуковая волна, состоящая из писка, воя, скрежета и чавканья, и разбилась на членораздельные фразы:

– ...по пять отдам, по три никак...

– Щупальца подбери!

– Сам ты дурак, и яйцеклад у тебя дурацкий, и подарки твои дурацкие...

– Ой, смотри, какие уроды!

Обычные уличные разговоры.

Если забыть, конечно, кто их ведет.

– Последняя фраза, кажется, была про нас, – сказал Арагонес и повернулся в сторону двух мохнатых существ, похожих на здоровенных крыс с обезьяньими лапками. – Эй, ты, рожа, чего ты сказал?

«Крысы», принадлежащие к расе паракири, дружно оскалились и отступили на шаг. Колыхнулась их одежда – цветастые тряпки, забренчали нашитые по подолу мелкие колокольчики.

– Спокойнее. – Гаррисон положил ладонь размером с лопату на плечо приятелю. – Ты что, забыл, что нам инструктор говорил?

– Забыл. Но сейчас вот выбью им зубы и вспомню...

Паракири рванули в сторону с такой скоростью, будто каждому дали хорошего пинка.

– Так-то лучше, – проворчал Ли, когда оба исчезли в толпе. – Спокойнее, по крайней мере.

Инструктор-раосеец и в самом деле много говорил, прежде чем разрешить людям пойти в город. Про то, что почти каждый обитатель Шарендара таскает при себе аналог универсального переводчика и вполне может понять комментарий относительно своей внешности и обидеться. Про то, что за порядком следит незаметная, но очень бдительная служба надзора и что виновные в неприятностях будут наказаны...

Как наказывают строптивых младших сегментов, легио-

неры хорошо знали – ментальным ударом. После него раскусок нарушителя пропитывается беспричинным, очень сильным страхом.

Такая кара за последние трое суток трижды применялась к людям, и каждый раз пострадавший чуть не сходил с ума. На протяжении нескольких часов его приходилось силой удерживать от самоубийства. Да и потом долгое время он напоминал дрожащее животное, а не разумное существо.

– Ну, что, куда отправимся? – спросил Вильям.

– По бабам, – предложил Гаррисон.

– Прежде чем к таким бабам идти, нужно обязательно выпить, – вмешался высокий и тощий Найджел Лири. – Готов поставить что угодно, здесь есть места, где наливают старый добрый алкоголь.

– И есть места, где подают старое доброе мясо, – и Арагонес дернул головой в сторону переулка, где по-прежнему мигала вывеска бара «Мясоед». – Хотя туда, честное слово, лучше не ходить...

– Для начала прогуляемся и осмотримся, – решил Ли.

Болтающийся в космосе свободный порт напоминал огромную консервную банку. Около краев располагались причальные колонны. Центр занимала жилая зона. Она, в свою очередь, бессистемно делилась на административные сектора, принадлежащие разным расам. И в реальности кто где хотел, тот там и жил, и население каждого сектора было довольно пестрым.

Представительство раосейцев стояло в самом центре «банки», в очень престижном районе. Улица, на которой находились сейчас земляне, на карте была обозначена цифрой «пять» и тянулась через всю жилую зону от одной ее границы до другой.

– Прогуляемся так прогуляемся, – согласился Арагонес, и они пошли.

В этот раз свободный порт выглядел еще более оживленным. Все так же толпились чужаки разного вида, на людей тарасились с прежним удивлением. Пылали, шипели и пахли вывески магазинов и ресторанов, предназначенных для тех, кто кормится планктоном, и для тех, кто глодает камни, для любителей мяса и растительной пищи, для гурманов всех видов и размеров...

И нависало сверху огромное грозное солнце цвета крови.

Но в этот раз Вильям не испытывал прежнего ошеломления. Он глядел по сторонам более внимательно и замечал детали.

Мелкие чужаки старались держаться обочин, а крупные шагали по середине дороги. Скользили в толпе представители службы надзора, ничем особенным не выделяющиеся, но заметные благодаря тем особым повадкам, что свойственны копам всех миров, планет и вселенных.

Навстречу проплыл раосеец в маскировочном костюме. Белоснежная хламида работника представительства колыхнулась, когда он ответил на приветствие младших сегментов.

Прошагала группа вителлиан, их маленькие глаза, похожие на пуговицы, загорелись ненавистью.

Потом Вильям загляделся на трех огромных птиц, вроде той, что едва не сбила его с ног в первый день в Шарендаре.

Они стояли кружком, изгибая шеи и странным образом трепеща крыльями, напоминающими языки пламени. Из черных острых клювов вырывались клокочущие звуки, переливались серебром «кольчуги» на кургузых телах, мощные когти царапали уличное покрытие.

– Переводчик барахлит? – Снарк с досадой обнаружил, что клокотание не превращается в связную речь.

– Или просто стракки общаются на секретном наречии, которого не может разобрать изготовленный раосейцами прибор, – заметил Ли. – Смотри. Видят духи, это те самые хаурваки...

Через толпу, монотонно раскачиваясь, шагали высокие, крайне тощие существа, похожие на земных богомолов. Очень большие глаза почти целиком занимали их маленькие головы, две пары верхних конечностей выглядели обманчиво тонкими и слабыми.

Но Вильям знал их страшную силу.

Вчера легионерам показали фильм про цивилизацию хаурваков, воинственную, жестокую и холодную, прагматичную и в то же время безумную, и главное – невероятно старую.

– Они и есть, – заметил Гаррисон. – Никогда бы не пове-

рил, что эти субтильные типы одно время держали в страхе половину Галактики...

Экспансия хаурваков началась в те времена, когда люди лупили друг друга по головам каменными топорами, и закончилась несколько столетий назад. Не выдержав непрерывных войн, единое государство распалось на дюжину мелких, и те погрязли в междоусобицах.

Те соседи хаурваков, что умели дышать, после этого вздохнули с облегчением.

Разумные богомолы прошли мимо людей, не обратив на них внимания. Только сверкнули на лапах когти, способные рубить сталь и гранит.

– Впечатляющее зрелище, клянусь Святой Девой, – сказал Арагонес, глядя в их тощие спины. – После него мне, честное слово, очень сильно хочется выпить... В смысле, даже сильнее, чем раньше.

– И мне, – кивнул Вильям.

– Не, парни, мы пойдем в этот, как его, местный парк, – сказал маленький, но очень плотный легионер по имени Муса, появившийся на свет в предместьях Багдада. – Я правильно говорю?

Несколько человек поддержали его кивками и одобрительными возгласами.

– Нет проблем, – пожал плечами Ли. – Мы легко можем разделить. Ну, кто еще желает сходить в парк?

За Мусой пошли шестеро, еще трое отправились погла-

зеть на музей основателей.

– Как всегда, остались той же компанией, – заметил Лири, обведя оставшихся взглядом. – Ну, что, Олег, твой выход.

Соболев обладал невероятным нюхом на питейные заведения. Иногда у Вильяма возникала мысль, что уроженец городка Пушкин под Санкт-Петербургом обнаружил бы распивочную и на совершенно безжизненной планете.

– Нет проблем, – сказал русский, после чего некоторое время вертел головой и чесал в затылке. – Нам сюда.

С Пятой улицы они свернули на Двадцать седьмую. Затем, пройдя меж двумя огромными торговыми центрами, похожими на египетские пирамиды, возведенные из рулонов белой ткани, очутились в сплетении мелких переулков, которые на городской карте представлялись серым пятном.

– Вот она, изнанка роскошного фасада свободного порта Шарендар, – сказал Вильям, оглядывая покосившиеся хибары, небрежно сляпанные из кусков разных материалов, грязную мостовую и кучи мусора у стен.

Воняло тут не лучше, чем в трущобах Мехико или Дели.

– Ты уверен, что нам сюда? – поинтересовался Гаррисон. – А то эти типы на нас как-то странно смотрят...

Чужаков тут было меньше, чем на центральных улицах, и выглядели они еще менее приятно. На людей скалили зубы, порой довольно внушительные и острые, пучили глаза и даже рычали.

– Уверен, – спокойно ответил Соболев, поворачивая в

очередной переулоч. – Вот сюда.

Между хибарами обнаружилось довольно солидное двухэтажное здание из металла. Блеснули маленькие круглые окна, похожие на иллюминаторы, и зазывно замерцала желто-зеленая вывеска.

– «Добрый глоток», – прочитал Вильям. – Да, нам точно сюда...

Внутри их встретил полумрак и родной запах прокисшего пива.

Громадный полутемный зал делился на несколько частей, находящихся на разных уровнях. Всюду стояли столики, виднелись лесенки без перил, напротив входа крепостной стеной возвышалась стойка, около нее торчали табуреты. Под потолком клубился мерзкий на вид красноватый дым.

Несколько существ, сидящих за столиками, повернули головы на скрип двери, и на жутких мордах отразилось кровожадное удивление. Стоящий за стойкой гуманоид с длинными ушами и голым черепом изумленно приоткрыл рот, показав игольно-острые зубы и черный язык.

– Эй, – довольно громко сказал он. – Вы уверены, что не ошиблись дверью?

– Еще как уверены, – решительно заявил в ответ Гаррисон, и шестеро легионеров дружно зашагали к стойке.

Уйти после такого приветствия означало струсить.

– Ну, смотрите, я вас предупредил. – Бармен покачал головой, уши его заколыхались и звучно захлопали по широ-

ким плечам.

Пока шли через зал, Вильям смог немного разглядеть публику. И обнаружил, что почти все посетители с оружием – кто с ножом, кто с дубинкой, а кто и с дезинтегратором на поясе. Заметил даже лучевой разрядник, оружие вроде бы запрещенное к ношению на территории Шарендара.

Похоже, что в «Добром глотке» на законы свободного порта плевать хотели.

Сидящие за столиками существа выглядели менее дружелюбно, чем кот, которому наступили на хвост. Перед каждым стояло по стакану с бесцветной, белой или фиолетовой жидкостью, часто бурлящей, и витающие в зале запахи не оставляли сомнений, что пьют тут совсем не квас.

Гаррисон первым взгромоздился на табурет, рядом уселся Арагонес, за ним – остальные.

– Что будете пить? – осведомился бармен.

Говорил он на базязе-один четко и разборчиво, но выглядел с близкого расстояния мало похожим на человека. Отвислые уши, как у спаниеля, лиловая кожа, вся в пятнах и без малейшего признака волос. По шесть пальцев на руках, острые зубы и круглые белые глаза.

– Алкоголь, – сказал Ли. – В каких видах у вас его подают?

– В разных. – Бармен оскалился, должно быть – улыбнулся. – Могу предложить выпивку любого вида.

Гаррисон нахмурился, Вильям задумчиво огладил подбородок, где за последнее время выросла колючая щетина. В

представительстве раосейцев не нашлось ничего похожего на бритву.

– Налей мне чего покрепче, – первым вышел из задумчивости Соболев. – Как говорится, в русском желудке и долото сгниет.

– Рисковый парень, – заметил Арагонес. – Мне, лысый, нацеди большую кружку продукта брожения зерновых сельскохозяйственных культур. Пиво называется. Ты знаешь, что это такое?

– Конечно.

За стойкой зашипело, и перед уроженцем Сан-Педро появилась кружка жидкости, покрытой белой пеной, пахнувшей пивом, но почему-то светло-зеленой. А Соболев получил курящийся стакан чего-то черного, булькающего и ядовитого на вид, точно лава, присыпанная цианистым калием.

– Пора платить. – В руках бармена появился напоминающий щетку древнего пылесоса сканер.

Соболев и Арагонес, как учили в представительстве, протянули правую руку, где под кожей прятался биочип. Владелец отвислых ушей и острых зубов повел сканером, и со счета патроната, специально отведенного для младших сегментов, оказалась списана некоторая сумма денег.

– Ты уверен, что это можно пить? – Вильям осторожно понюхал стакан и поморщился от резкого химического запаха. Бармен ехидно заухмылялся, уши его мелко задрожали.

– Не можно, а нужно. Эх, двум смертям не бывать, а одной

не миновать. – Соболев взял стакан и вылил его содержимое в рот.

Покраснел, а затем побелел так, что стали видны сосуды под кожей. Резко кашлянул, выдохнув облачко сизого дыма, и проговорил:

– Да, это будет покрепче самогона моего деда. Забористая штука!

– Мне то же самое, – поспешно сказал Гаррисон.

Уши бармена перестали трястись, зато глаза стали размером с апельсины.

Вильям решил не рисковать и заказал пива. Оно, несмотря на необычный вид, оказалось вполне приемлемым на вкус, и даже то, что напиток чуть заметно отдавал плесенью, его не портило.

– Хорошо, – заметил Ли, отхлебнув из кружки и осторожно повертев сушеного кузнечика, усыпанного мелкой солью.

Их к пиву притащили целую тарелку.

– Неплохо, – согласился Вильям и обернулся на шорох за спиной. – Но это, похоже, только нам...

Сидевшие за столиками посетители успели покинуть свои места и собраться в кучу.

И куча эта шагала к стойке, сипло дыша, клацая когтями и свирепо булькая.

– Что надо, рожь? – поинтересовался Гаррисон, только что прикончивший стакан черного пойла и выглядевший поэтому несколько ошалелым.

– Нам не нравится, когда в наш любимый бар заходят всякие уроды, – мрачно проговорил бочкообразный субъект с кошачьей головой, короткими кривыми ногами и двумя парами щупалец. – Поэтому предлагаю вам собрать конечно-сти, пока они еще при вас, и умотать отсюда...

Вильям вздохнул, вспоминая многочисленные драки в барах, в которых ему довелось принимать участие. Начало этой мало отличалось от тех, что затевались на Земле или в колониях...

Дальнейший обмен репликами смысла не имеет, в любом случае все закончится одинаково.

– Ой! – Задумавшись, упустил момент, когда началась собственно драка, и едва не получил в лоб.

Уклонился в последний миг, и кулак на длинной суставчатой руке прошел левее. Атаковал в ответ, коротко, почти без замаха, и соскочил с табурета, сокращая дистанцию. Сердито завопил Ли, взревел Гаррисон, что-то загрохотало, котовый испустил пронзительный писк.

А дальше все смешалось в круговерти схватки, когда бьешь того противника, что поближе, и пытаешься прикрыть уязвимые места, поскольку отразить все до одного удары невозможно. Тут Вильяму пригодился опыт занятий с сержантом Фрезером, беспощадно муштровавшим легионеров на Новом Орегоне, и тренировки на боевом модуляторе, куда более опасные, чем иной бой...

Сразу получил в челюсть. Потом еще раз. На некоторое

время потерялся, но сумел оправиться. Сквозь багровый туман в глазах разглядел противника – мохнатого, огромного, – и врезал ему от всей души. Здоровенную тушу унесло, она с гулом и звяканьем сокрушила один из столиков.

Еще удар, и котоголовый, получив по уху, шмякнулся на пол...

Падает Лири, чье лицо залито кровью, но у него всего лишь разбита бровь. И надо сражаться, держаться, хотя ты только что получил в солнечное сплетение и не можешь впихнуть в себя колючий, затвердевший воздух.

– Ха... – Вильям обманул еще одного из чужаков, ободрал кулак о прочную чешую, но отправил ее обладателя в нокаут.

И тут оказалось, что драться больше не с кем.

На ногах остался Снарк, ошеломленно моргающий Гаррисон с опухшей от синяков рожей, а также Ли, выглядящий спокойным и умиротворенным, как родитель, только что побывавший с чадом на детском спектакле.

– Неплохо, – заметил Вильям, трогая разбитую губу и оглядывая пол, заваленный слабо шевелящимися телами. – На наше счастье, они не пользовались оружием... И как там наши?

– Живы. – Гаррисон наклонился и за шкуру, точно котенка, поднял Арагонеса, чей нос выглядел несколько помятым, а взгляд – блуждающим. – Эй, ты как?

– Видел небеса и святых в сверкающих одеждах... – торжественным голосом сказал уроженец Сан-Педро. – А зна-

чит, очень здорово получил по голове. Но ничего, не в первый раз.

– Меня больше другое волнует, – сказал Ли. – Когда сюда заявится служба надзора?

– Никогда, – напомнил о себе так и оставшийся за стойкой бармен. – В мое заведение им хода нет...

– Да? – Вильям обернулся и обнаружил, что глаза хозяина «Доброго глотка» горят, а уши стоят торчком.

– Точнее, есть. Но только в том случае, если они захотят просто выпить. За порядком тут я и сам прослежу. А вы... это же надо. – Он потряс шестипалыми кистями. – Давно не видел такой впечатляющей драки! Бесподобно, великолепно, клянусь яйцекладом моей старшей супруги... Каждому по порции выпивки за счет заведения!

– О, это дело! – повеселел ощупывающий синяки на собственной физиономии Гаррисон. – Эй, Найджел, Олег, хватит валяться, тут наливают.

Соболев выбрался из-под опрокинутого табурета, помятый, но вполне живой, а вот Лири пришлось приводить в себя.

– Ух, – сказал он, очухавшись. – Отлично мне вмазали... Что, уже все? И эти морды нам не попробуют отомстить?

– Нет, не стоит опасаться этого, – поспешил заверить бармен, один за другим наполняя стаканы. – Драка была честной, кластер на кластер, никто не использовал оружия сверх того, что дала ему природа...

Вильям придвинул выпивку к себе и понял, что после нескольких ударов по голове мерзкая жидкость стала пахнуть чуть менее отвратительно. Глотнув, он закашлялся. Ощущение было такое, что в гортань и пищевод воткнули тысячи острых раскаленных крючьев.

Второй глоток дался легче, а потом Снарк обнаружил, что стакан показывает дно, а в голове слегка звенит.

– Вы славные парни, – бормотал тем временем хозяин. – Я слышал про вас. Вас привезли раосейцы и даже приняли в клан, несмотря на то, что многим вы не нравитесь. Вы ведь эти, как их, человеки?

– Люди, – поправил Ли. – А ты кто?

– Турагин'к. – На последнем слоге лопухий гуманоид странно прищелкнул. – Имя мне Рахтионалливаорипатрок, но для простоты можете именовать меня Рахти. Будем знакомы.

– Будем, – кивнул Вильям и понял, что совершенно автоматически грызет мерзкого на вкус кузнечика.

Тем временем начали подниматься на ноги потерпевшие поражение гости «Доброго глотка». Первым встал шерстистый тип, которого завалил Снарк, за ним вскочил котоголовый. Одно из его щупалец осталось валяться на полу, но чужак не обратил на это внимания.

– Ну, что, тебе все еще не нравится наш облик? – поинтересовался Гаррисон. – Драка его вряд ли улучшила...

– Ничего, сойдет, – буркнул котоголовый. – Да, слухи о

боевитости вашей расы если и преувеличивают, то очень немного.

– Что за слухи? – заинтересовался Ли. – А ну, выпей с нами и расскажи...

Полчаса бывшие легионеры провели в компании недавних противников. За это время стали немного пьянее и услышали несколько занимательных баек про молодую, но очень агрессивную расу с окраины Галактики, сумевшую утереть нос даже наглым вителлианам.

Когда вышли из бара на улицу, Вильям обнаружил, что его несколько покачивает.

– И тут нас знают, – гордо сказал Арагонес, глаза которого норовили съехать к переносице. – Донесем же славу нашего оружия до самых границ Ойкумены, и вообще...

– Донесем, – согласился Ли, – но сначала, видят духи, доберемся до представительства. Там нас скорее всего заждались...

Они зашагали в сторону Пятой улицы.

И никто из землян не заметил, как следом, держась на высоте второго этажа, скользит крохотный разведывательный зонд, снабженный камерой, передатчиком и бесшумным двигателем.

* * *

– Маскирующий комплекс подсоединяется к основному

костюму. – Сегодня раосеец-инструктор, откликнувшийся на имя Тофти-Се-Шесть и работавший с легионерами с первого их дня в Шарендаре, говорил тише обычного, да и выглядел неважно. Его сегменты покрывала белесая сыпь.

Вильям знал, что для гражданина патроната настал момент линьки, избавления от старой шкуры, и что проходит он для раосейцев тяжело и болезненно.

Но инструктор не мог пренебречь собственными обязанностями даже сегодня.

До вылета оставались считанные мини-циклы.

Последние несколько дней легионеры изучали основной костюм – нечто среднее между боевым скафандром и комплексом жизнеобеспечения. Он мог трансформировать облик почти без ограничений, защищал от ударов, радиации, вакуума, жары и холода, и даже от некоторых видов оружия. Помогал выживать где угодно: в открытом космосе и стратосфере, на океанском дне и в жерле вулкана.

Кроме того, группа костюмов образовывала своеобразную БИС, боевую информационную систему, позволяя поддерживать связь на приличном расстоянии и обмениваться данными.

– Закрепляйте комплекс на базовом поясе, – продолжал рассказывать инструктор. – Вот так...

В настоящий момент две группы легионеров из трех находились в помещении, служившем учебным кабинетом. Они были облачены в основные костюмы, вооружены, экипиро-

ваны для выполнения боевой задачи и проходили финальный инструктаж.

Группа Ван Хьена оставалась в Шарендаре – создавать впечатление, что люди никуда не делись.

Вильям прищелкнул коробочку размером с ладонь к широкому поясу из толстых металлических пластин. Воздух вокруг задрожал, точно от пола заструились раскаленные потоки.

– Клянусь четверкой, – пробормотал уроженец Ливерпуля, глядя, как фигуры соседей размываются и на месте людей возникают приземистые ящеры с мощными лапами и короткими хвостами.

Одеты они были во что-то похожее на бронежилеты, на головах красовались каски, а глаза навывкате злобно блестели.

– Лимаксы – самые известные наемники этого сектора Галактики, – сообщил инструктор. – В любых диапазонах вы теперь выглядите как они. Кто и что угодно зафиксирует именно такой облик. Сейчас маскировочные комплексы отключим, они включатся автоматически после высадки на Апион-Фарит. Теперь информация о вашей цели. К загрузке приготовиться.

Вильям привычно опустил веки, биочип в правой руке задрожал. Перед глазами замелькали картинки – пейзажи планеты, где хаурваки многие тысячелетия назад возвели гробницу для своих королей, ее координаты, данные о маршруте,

проложенном от точки высадки...

– Веселенькое место, – пробормотал стоящий рядом Арагонес, разглядывая те же самые каньоны с отвесными стенами, участки джунглей, настолько густых, что они напоминали ковер из растений толщиной в полсотни метров, ледяные шапки на склонах гор, потоки и водопады...

– Видали и веселее, – ответил Вильям и удивленно замолчал, ибо им начали показывать самую гробницу.

Серый исполинский купол, черные отверстия входов, и статуи около них – до жути реальные.

– Цель должна быть уничтожена, – сухо проговорил инструктор, разрушая впечатление. – Для этого в вашем грузе несколько радитовых бомб. Имеются ли у вас вопросы, младшие сегменты?

Вопросов не нашлось.

Все было четко, ясно и привычно. Высадиться, скрытно дойти до цели, которая вроде бы охраняется, но не особенно тщательно, и уничтожить ее, не понеся при этом потерь. Тревожила неясность с охраной, но свежей информацией о планете Апион-Фарит не обладал вообще никто, даже обитающие в свободном порту хаурваки, и что там творится ныне, оставалось неясным.

– Очень хорошо, – сказал инструктор. – Прошу следовать за нами.

Легионеры вскинули на спины громоздкие, но легкие рюкзаки и зашагали вслед за раосейцем. А он повел их во-

все не к выходу, а куда-то в заднюю часть здания, где людям бывать еще не приходилось.

Все стало ясно, когда за открывшимися дверями обнаружился просторный зал и в нем – большой транспортер с кузовом, в каких обычно возят контейнеры для погрузки на звездолеты.

– Занимайте места внутри, – велел раосеец. – Патронат Рао-Се, клан Триг-Се, а также мы лично, – тут ментальный голос странным образом дрогнул, – надеемся, что миссия ваша, младшие сегменты, завершится успешно к вящей славе патроната и к посрамлению его врагов...

– Как завернул, – вздохнул Арагонес. – Аж слеза прошибает.

– Отставить разговорчики. – Назначенный командиром Ли начал возвращаться к роли сурового сержанта.

В кузове обнаружили три контейнера, каждый примерно на десять человек, с лавками и страховочными ремнями внутри. Едва места оказались заняты, дверцы с тихим клацаньем захлопнулись, и легионеры очутились в темноте. Легкая вибрация дала знать, что транспортер пришел в движение.

– Эхе-хе! – Гаррисон вздохнул во мраке мощно, точно ожившая гора. – А я буду скучать по этому городу, крокодилий хвост... И сам не заметил, как привык. И к кабакам местным...

– Да, – согласился кто-то, Вильям не разобрал – кто.

В «Добрый глоток» легионеры после первого раза заходили неоднократно. Еще раз завсегда и попытались набить землянам морды, но как-то вяло, больше по обязанности, а потом и вовсе отстали. Привыкли и стали воспринимать двуногих прямоходящих с одной головой и без чешуи спокойно.

Зеленое пиво и черная кипящая отравка действовали не хуже земных аналогов, а Рахти был сама любезность. Так что почти каждое «увольнение» в город заканчивалось для Ли и его приятелей в грязном переулке за Двадцать седьмой улицей.

Один раз они попали на какой-то праздник народа турагин'к, когда всем наливали бесплатно, а сородичи хозяина «Доброго глотка» напивались до чертиков и затевали дикие пляски на полу, стенах и даже потолке. После того визита Вильяму пару ночей снились кошмары.

– ...и даже к бабам, – закончил Гаррисон.

Неугомонный уроженец Африки на пару с Арагонесом отыскал-таки бордель для гуманоидов. Что именно там происходило, они не рассказали даже в пьяном виде, но, судя по ошалелым рожам и по тому, что отправились повторно, удовольствие получили. Позвали и Вильяма, но он решил не рисковать.

Согласившийся Ли вернулся в состоянии, близком к шоку, и тоже не стал ничего рассказывать. Снарк сначала пожалел о своем решении, а затем увидел на спине и боках приятеля глубокие царапины и подумал, что поступил верно.

– По бабам, – хмыкнул из угла Арагонес. – К ним это банальное слово неприменимо... А такого, которое применимо, еще не придумали, – закончил он довольно печально.

Транспортер остановился, потом снаружи загромыхало. Легионеров дернуло, когда контейнер подняло и потащило в сторону. Бахнуло еще, на этот раз под ногами, и движение прекратилось.

– Похоже, мы уже в звездолете, – осторожно сказал Соболев. – И когда нас выпустят из этой железной конуры?

Вильям открыл рот, чтобы ответить, но сказать ничего не успел. Тяжелая и мягкая лапа перегрузки навалилась на плечи и спину, придавила задницу к лавке. В позвоночнике что-то мягко хрустнуло, перед глазами замелькали голубые и лиловые огоньки, похожие на хороводы светлячков.

– Во-от урро-оды, – надрывно прохрипел в темноте кто-то.

Вильям попытался переменить позу, чтобы сесть поудобнее, но не смог. А потом его, да и всех остальных, отпустило. Перегрузка исчезла, вернулась возможность свободно двигаться.

– Сволочи членистые, – со злобой проговорил Найджел. – Ведь могли нас из контейнера вынуть, в противоперегрузочные койки сунуть и потом стартовать. Чтобы им полинялось сегодня же!

– И вспучилось, – добавил Гаррисон.

– Могли, – спокойно прозвучал голос Ли. – Но, видят ду-

хи, этим бы создали угрозу срыва всей операции. Технологии, имеющиеся в Шарендаре, позволяют легко просканировать стоящий в причальной колонне звездолет и выяснить, кто именно находится на борту. И если бы обнаружили нас, то все попытки обеспечить скрытность пошли бы насмарку.

– Ты хочешь сказать, что этот ящик защищен от сканирования? – спросил Вильям.

– Да. Как и любой транспортный контейнер. Но если закрыть от сканирования весь корабль, это вызовет подозрения.

– Все это, конечно, очень умно, – ядовито проговорил Арагонес. – Но мне от этого не легче.

По обшивке контейнера что-то стукнуло, дверцы разошлись, и внутрь проник золотистый свет. После полной темноты он показался ярким, и Вильям зажмурился.

– Просим извинения за дискомфорт, – прозвучал внутри головы ментальный голос. – Но это было необходимо. Просим вас, выходите...

Раосеец из экипажа звездолета прятался под хламидой цвета янтаря, а рогатый шлем напоминал бычью голову из золота. В фальшивых прорезях для глаз помигивали серебристые огоньки.

– Выйдем, не сомневайся, – буркнул Арагонес недружелюбно.

Вильям отстегнул страховочные ремни, встал и повел за немевшими плечами. С рюкзаком в одной руке и с дезинте-

гратором в другой он вышел из контейнера и оказался в просторном зале с низким потолком. Судя по его виду, земляне попали на раосейский звездолет.

Три контейнера стояли рядком, и из них выбирались помятые и сердитые бойцы. Дальше, в глубине зала, виднелись другие железные ящики, но не фальшивые, а самые настоящие, с грузом.

– Просим следовать за нами, – пригласил звездолетчик. – Ваше пребывание на нашем корабле будет недолгим, через половину мини-цикла мы войдем в гиперпространство, через пять – произведем стыковку с другим кораблем...

– Стыковка в гиперпространстве? – Узкие глаза Ли стали чуть шире. – Надо же, наши такого не могут.

– Не могли, когда мы оттуда улетали, – поправил Вильям, и с внезапной силой навалилась на него тоска по Земле.

Захотелось поваляться на обыкновенной травке, увидеть солнце, улыбку девушки...

Пришлось заскрипеть зубами, чтобы отогнать непрошенные эмоции.

– Это верно, – кивнул Ли, и лицо его стало подозрительно непроницаемым, а в глазах мелькнула грусть.

Раосеец привел их в еще один зал, похожий на больничную палату века эдак из двадцатого. Рядами стояли широкие топчаны, тумбочки возле них, угол занимала кабинка санитарного блока. Из стен торчали «грибочки» портов информационной сети.

– Просим располагаться. – Хламида звездолетчика колыхнулась. – Если что-то будет нужно, достаточно позвать...

Младших сегментов в первые дни в Шарендаре протестировали на телепатические способности. Затем научили «посылать зов» – привлекать внимание ближайшего раосейца, издавать некий аналог ментального лая, каким собака подзывает хозяина. Получилось это почти у всех.

– Мы поняли, – ответил Ли. – Благодарим старшего сегмента за внимание и заботу.

Звездолетчик кивнул рогатой башкой и неспешно удалился, стена за ним сомкнулась, не оставив даже шва.

– Костюмы не снимать, – велел Ли. – Пора привыкать находиться в них. Все поняли?

– А то, – кивнул Гаррисон.

Вильям превратил основной костюм в некое подобие толстой пижамы и улегся на один из топчанов – подремать. Подумал, что солдатская привычка использовать каждый свободный момент для сна вернулась сама собой, стоило только ощутить себя на войне...

– Подъем! – Прозвучавший над ухом окрик заставил вздрогнуть, вскочить на ноги, рука потянулась к оружию.

– Что? Где враг? – спросил Снарк, спросонья тупо хлопая глазами.

– Собирайся, и пошли, – ответил Ли.

Только тут Вильям вспомнил, где они находятся. Выругался про себя, опять превратил костюм в пятнистый комби-

незон, подхватил рюкзак и вслед за соратниками поспешил к открывшейся в стене двери.

Коридор вывел к шлюзу, а за ним обнаружился узкий, круглый в сечении лаз, чьи стены были усеяны металлическими скобами. Здесь раосеец-проводжатый остановился и сказал:

– Сейчас вы окажетесь на звездолете, построенном не на наших верфях. Он приобретен через посредников, далеко от Шарендара, и именно на нем вы отправитесь к цели. Если корабль будет обнаружен, то подозрение падет не на патронат Рао-Се.

– А как же ваш пилот? – нахмурился Серое Облако.

– Пилота не будет. Звездолет управляется искусственным интеллектом, достаточно умным и умелым, чтобы справиться со всеми возможными проблемами. Он запрограммирован на то, чтобы доставить вас на Апион-Фарит, дождаться вашего возвращения и по обратному маршруту вернуться сюда, в точку стыковки. Мы встретим вас здесь. – Огоньки в прорезях шлема мигнули. – Все ли понятно, младшие сегменты?

– Да, – ответил Ли.

– Тогда действуйте во славу патроната Рао-Се и клана Триг-Се.

Раосеец отплыл чуть в сторону, освобождая проход, и легионеры затопали мимо него. Когда последний прошел через шлюз, круглый люк закрылся с чавкающим звуком. Скобы

на стенках, в полу и на потолке засветились, будто наполненные белым огнем трубки.

– Красиво, – сказал Соболев. – Хотя эта самоуправляемая посуда, судя по всему, жутко старая...

Тут русский не ошибался – корабль выглядел обветшалым. Серые, шероховатые на ощупь панели покрытия местами отошли, скобы порой еле держались, воздух отдавал горелой изоляцией.

Коридор вывел в другой, точно такой же. В одном его конце оказался тупик, а точнее – наглухо задраенный люк, а во втором – помещение, похожее на пассажирский салон большого флайера.

Громадные мягкие кресла в четыре ряда, парящие над полом. Полукруглые стены с иллюминаторами, за которыми – полный мрак, а в дальнем конце – моргающая приборная панель размером со стол, и над ней – выгнутый обзорный экран, залитый слепой темнотой гиперпространства.

– Круто, клянусь сережками в ушах Святой Девы, – заметил Арагонес. – Полетим с ветерком, да?

Зашуршало, из пола вырос столб серебристого света. Замерцал, превратился в вихрь из искорок-снежинок, а затем сложился в фигуру представительного мужчины средних лет, облаченного в темный комбинезон.

– Рад приветствовать вас на борту «Радости бабушки», – сказала фигура на базязе-один и поклонилась.

– Чьей-чьей радости? – улыбнулся Вильям.

– «Радости бабушки», – повторил мужчина. – Так корабль назван в честь матери матери первой владелицы, принадлежавшей к племени паридор-сох-солнце народности рамире-хо великой цивилизации тарквада.

– Да? – Судя по лицу Гаррисона, он впервые слышал все перечисленные названия.

– Именно так, – кивнула фигура. – Меня можете называть Умник, я – искусственный интеллект класса два дробь шесть, создан для управления космическими средствами транспорта класса пять и шесть общей классификации. Запрограммирован двадцать восемь универсальных циклов назад на планете Рассстабан. Нынешний облик избран мной автоматически, исходя из ваших предпочтений. Прообразом личности...

– Стоп! – вскинул руку Ли. – Это все очень интересно, но лучше объясни нам, как тут размещаться и сколько продлится путешествие...

– Слушаюсь и повинуюсь, – ответил Умник, точно джинн из сказки, и приступил к пояснениям.

Кресла оказались персональными пассажирскими комплексами, способными кормить, поить, усыплять и даже развлекать размещенных в них разумных существ. Предназначались они вовсе не для людей, но, подобно всей квазиживой технике, могли как угодно трансформировать свой внешний вид и набор функций.

– Так это что, и нужду справлять в него придется? – уточ-

нил Арагонес, изучая ближайшее кресло.

– Совершенно верно, – сказал Умник. – Стоит только пожелать, и ППК создаст для этого условия. Он способен бесследно абсорбировать и усваивать практически любые отходы живых организмов.

Строители «Радости бабушки», судя по всему, не знали, что такое стыд и стеснение.

– Так-так, – покачал головой Ли. – А сколько продлится путешествие?

– Половину медиацикла. До расчетного времени старта остается пятая часть мини-цикла.

«Примерно девять дней и пять минут, – подумал Вильям. – Не так уж и долго, хотя от скуки тут с ума сойдешь...»

– Тогда стартуй, – кивнул Ли. – Размещаемся, парни...

– Слушаю и повинуюсь.

Умник поблек и исчез, втянулся в пол, а легионеры принялись знакомиться с ППК.

Кресло на ощупь оказалось похоже на плюшевое, а едва Вильям сел в него, мягко потекло под телом, изменяя форму. В затылке холодно защекотало, как во время контакта с БИС – боевой информационной системой.

– Ой, эта крокодилья задница нас сканирует, что ли? – удивился Гаррисон, занявший кресло по соседству.

– Конечно, – хихикнул Арагонес. – Иначе как оно узнает, каким именно образом твои какашки подъедать?

Корабль вздрогнул, людей прижало к мгновенно отвердевшим креслам.

– Вот и старт, – заметил Ли, когда ускорение отпустило. – И все же странно, что раосейцы никого из своих с нами не отправили. Настолько доверяют младшим сегментам, которых подобрали месяц назад?

Вильям почесал в затылке:

– Тот червяк рассуждал логично, что им самим лучше не светиться. Но все-таки это сильно напоминает банальную трусость. Не любят членистые подставлять себя под выстрелы...

– Благо для этого всегда найдутся какие-нибудь идиоты вроде нас. – Арагонес потянулся и зевнул. – Поспать, что ли?

Вильям тоже откинулся в кресле и собрался задремать. Но все планы нарушил Ли, вызвавший Умника и попросивший показать план звездолета. Искусственный интеллект класса два дробь шесть подвесил в воздухе расцвеченную яркими красками трехмерную схему, и Снарк забыл о сне.

«Радость бабушки» напоминала наконечник стрелы длиной в полсотни метров и толщиной в десять. Жилой отсек располагался в носу, корму занимал двигатель, а люки находились под днищем, а еще в обоих крыльях, что могли подниматься вертикально для стыковки.

– Красивая штука, – заметил Соболев, разглядывающий творение рамирехо с открытым ртом. – Только уж больно тесная. Как бы мы за девять дней без нагрузки не ослабели

совсем.

– ППК можно настроить на тонизирование мышечной системы, – сказал Умник, убирая изображение звездолета. – И временами повышать уровень гравитации в пространстве жилого отсека.

– Первое – отлично, второе – не стоит, – покачал головой Ли. – Разберемся с этим делом завтра. А то и правда спать охота...

Вильям откинулся в кресле и закрыл глаза. Уснул мгновенно, и снились ему серые воды реки Мерси, крыши Ливерпуля и висящая в небе вместо солнца золотистая глыба звездолета раосейцев...

* * *

От пульта донеслась мелодичная трель, и обзорный экран ожил. Вместо надоевшей до тошноты мертвой тьмы появились крупные звезды. Корабль чуть повернулся, и в поле зрения всплыл зеленый диск светила, позже обозначились подсвеченные пурпурным точки планет.

– Вот мы и на месте, – сказал Ли, жадно вглядываясь в космический пейзаж. – Умник, что с пространством? Сколько до высадки?

– Потенциально опасных объектов в радиусе контакта не обнаружено. – Искусственный интеллект звездолета возник, как обычно, из столба света. – Расчетное время вхождения в

атмосферу Апион-Фарит – десять мини-циклов.

Девять суток по земному счету провели бывшие легионеры внутри «Радости бабушки». За эти дни изготовленный рамирехо космический корабль надоел почти до отвращения. За время путешествия не случилось ничего интересного или хотя бы заслуживающего внимания, если не считать постоянно возникавших мелких поломок и сбоев в работе Умника.

Древний звездолет, налетавший неведомо сколько световых лет по просторам Галактики, медленно и неотвратно старел, но пока, к счастью, это никак не сказывалось на его летных качествах. Отваливались панели со стен, откуда-то из-за переборок начинал течь сизый дым, кресла-ППК чудили, отказываясь менять форму, а затем превращаясь в нечто совершенно невообразимое.

Управлявший «Радостью бабушки» искусственный интеллект время от времени зависал, заикливался на одной и той же фразе или действии. Иногда начинал бурчать что-то невнятное или погружался в состояние, схожее с комой, – не реагировал на вызов, молчал и не выполнял команды.

Но к фатальным последствиям это не привело.

– Десять мини-циклов, – задумчиво проговорил Ли. – Так-так. Двести шестьдесят минут, значит – чуть больше четырех часов. Времени с запасом хватит на то, чтобы в последний раз проверить оружие и снаряжение. Все за дело.

Они возились с рюкзаками, еще раз укладывая все вещи,

проводили тестирование дезинтеграторов и поглядывали на обзорный экран, где росло изображение буро-красной планеты.

– Обнаружены потенциально опасные объекты, – сообщил Умник примерно через час. – Общее число – двадцать четыре, класс энерговооруженности высший, степень угрозы – нулевая.

Вильям поднял взгляд:

– Это что такое?

Увеличенная Апион-Фарит напоминала баскетбольный мяч, а около нее висели черные мячики для малого тенниса. Утыканные какими-то пирамидами, колоннами, испещренные воронками, они выглядели недружелюбно. Каждый окружало золотистое мерцание защитного поля, а на поверхности горели алые огоньки. Они мигали, гасли и загорались вновь.

– Боевые орбитальные станции. – Умник воспринял вопрос на свой счет. – Находятся в рабочем состоянии, но обслуживаются в автоматическом режиме. Сооружены, судя по информационным меткам, около ста универсальных циклов назад, для их оборудования наш корабль не виден.

Ли покачал головой:

– Сто циклов – пятьсот земных лет. Невероятно! Тогда наши предки еще не вышли в космос, а хаурваки забросили оборону этой планеты...

– Так недолго и комплекс неполноценности заработать, –

хмыкнул Арагонес. – Но ничего, как взорвем эту гробницу, мигом от него избавимся.

Еще через час, помимо станций, стали видны огромные, каждый с небольшой город, звездолеты, неспешно перемещающиеся в окрестностях планеты. Умник предположил, что внутри наверняка есть живые существа, но уровень угрозы минимальный.

– Старая, замкнувшаяся на себе цивилизация, которой все надоело, даже войны, – сказал Вильям, разглядывая один из кораблей, похожий на изогнутый нож. – Неужели это ждет и человечество? И когда?

– Вряд ли мы доживем до такого, – хмыкнул Гаррисон. – Да и готов поставить сколько угодно крокодильих хвостов, что с нами такое не случится. Слишком мы, люди, непоседливые.

Апион-Фарит надвинулась, стали видны детали на ее поверхности – спирали циклонов, рубцы горных цепей, зеленатые лужицы многочисленных, но небольших морей.

– Ой, а это что? – Остроглазый Арагонес первым заметил исполинские, сравнимые с горными пиками сооружения, разбросанные по планете.

Они мало походили друг на друга, но все представляли собой беспорядочное нагромождение пирамид, конусов, кубов и параллелепипедов. Блестели черные, коричневые, синеватые и фиолетовые стены, высились золотистые шпильки, и темнели в строениях многочисленные отверстия.

– Похоже, что это города, – сказал Серое Облако. – Необитаемые, брошенные... Ну, почти все.

Строения и вправду казались мертвыми, хотя с такого расстояния трудно было разглядеть детали.

– А где гробница? – поинтересовался Гаррисон.

– Где-то вон там, на краю диска, – ответил Ли. – Ее не видно. Вот войдем в атмосферу, тогда может быть...

Через пятнадцать минут «Радость бабушки» пролетела мимо одной из орбитальных станций. В иллюминаторах по правому борту мелькнул ее чудовищный, искореженный силуэт. Легионеры расселись по ППК, те трансформировались так, чтобы уберечь людей от перегрузок, и начался спуск.

Древний корабль трясло и шатало, обзорный экран облизывало оранжевое пламя, за ним угадывалась темная поверхность Апион-Фарит.

– Сколько можно? – просипел Соболев после очередного толчка. – У меня желудок к горлу подобрался...

– Столько, сколько нужно, – сурово ответил Ли.

– Критическое превышение уровня нагрузки, – сообщил возникший у приборной панели Умник. – Расчетные параметры спуска изменены. Переходим на второй вариант. Прошу вас приготовиться.

Никто не успел даже спросить – к чему, а корабль рванулся вниз, точно падающий на добычу сокол. Вильям ощутил, как позвонки норовят собраться вместе где-то в районе затылка, мерзкая вибрация пронзила внутренности, в животе

возник отвратительный ком тошноты.

Удар был такой силы, что с потолка отвалились несколько панелей покрытия, а все ППК жалобно скрипнули.

– Ой! – не удержавшись, крикнул кто-то, а в голове у Вильяма на мгновение помутилось.

Очухавшись, он понял, что жив и даже ничего себе не сломал, что корабль более не движется, а соратники, кряхтя и ругаясь, выбираются из кресел.

– Чего разлегся? – буркнул Ли. – Отдыхать потом будешь. Давай, шевели конечностями.

Снарк выбрался из ППК, повесил на спину рюкзак, а на шею – дезинтегратор.

Из пола выдавилась мерцающая фигура Умника.

– Спасибо, что путешествовали на нашем корабле. Открыт центральный люк. Буду ожидать вашего возвращения.

– Ох, жди, мозга электронная, жди, – пробормотал Гаррисон.

Через круглый коридор со скобами легионеры покинули надоевший пассажирский салон. У развилки, там, где начинался проход в правое и левое крыло корабля, обнаружилась дыра в полу. Сквозь нее виднелась темно-красная земля и мелкие черные камушки.

– Ну, что, вперед, на подвиги во славу патроната Рао-Се, – сказал Ли и первым спрыгнул вниз.

Воздух Апион-Фарит оказался неприятно сух и полон резких запахов. Выйдя из-под днища «Радости бабушки»,

Вильям обнаружил, что корабль стоит на просторном плато, ограниченном бесплодными холмами, в небе висит изумрудное солнце, чей свет режет глаза, а горизонт загораживает величественная горная цепь.

На поясе задрожал, оживая, благополучно забытый маскирующий комплекс. Фигуры соратников размазались, потекли, и на месте людей возникли приземистые мощные ящеры.

– Ха, какой у тебя хвостик забавный, – сказал один из них голосом Арагонеса.

– На себя посмотри, крокодил ходячий, – ответил другой басом Гаррисона, и оба захохотали.

– Отставить шуточки, – Ли был серьезен, точно сама смерть. – Построились. Порядок следования...

Зашагали на восток. Быстро добрались до цепи холмов, звездолет пропал из виду. Вскоре наткнулись на первое серьезное препятствие – глубокую расселину с совершенно отвесными стенами, шириной метров пятнадцать. И вправо и влево она тянулась, если верить карте, не на один десяток километров и отделяла одно плато от другого.

На дне чернели округлые валуны.

– Веревки, – скомандовал Ли, и легионеры извлекли из рюкзаков небольшие арбалеты, стрелы к ним, способные крепиться к любой твердой поверхности, и несколько катушек прочного троса.

Арбалеты щелкнули один за другим, и над расселиной по-

явилась веревочная дорога.

– Эх, до чего же они тонкие, – проворчал Гаррисон, глядя, как ловко ползет по ней Серое Облако. – Знаю, что прочные, а все равно кажется, что такого крупного мужика, как я, не выдержат.

Переправились, зашагали дальше.

Ботинки мягко постукивали по камням, непривычно пахнущий ветер овеивал лица. Изумрудное солнце припекало, но не очень сильно, над горизонтом висела «луна» – одна из боевых орбитальных станций, похожая отсюда на самую настоящую маленькую планету.

Через несколько часов вышли к одному из островков джунглей.

Перевитые лианами растения, напоминающие огромные кусты, стояли сплошной стеной, сплетаясь ветками так плотно, что за ними ничего не было видно. За завесой зарослей угадывалось движение, какие-то твари шуршали в кронах, бегали по земле. Резкие крики звучали тревожно и угрожающе.

– Обойдем? – предложил Серое Облако.

– Пожалуй, – кивнул Ли. – Торопиться нам особенно некуда, а тратить силы на то, чтобы прорубаться через эту чащу, смысла нет...

На спрыгнувшее с ветки существо размером с кошку миглом нацелились несколько дезинтеграторов. Но тварь не подумала нападать, развернула широкие тонкие крылья и при-

нялась ходить в воздухе кругами. Издала протяжный, полный тоски вопль и взмыла в вышину.

На то, чтобы обогнуть лес, потратили несколько часов. Переправились через небольшую, очень бурную и холодную речку. Луна-станция уползла за горизонт, вместо нее явились сразу две, одна полукруглая и покрытая крохотными кратерами, вторая квадратная и гладкая.

– Вон за теми холмами должно быть селение, – сказал Ли, когда позади осталась еще одна расселина, столь же узкая и глубокая, как и первая. – Но нашу карту составляли неведомо сколько столетий назад, поэтому не очень ясно, насколько ей вообще можно верить...

Первыми селение увидели дозорные, шагающие в километре впереди остального отряда.

– Видим строения, – доложил командующий разведчиками Муса. – Но никого живого. Все брошенное.

– Ждите нас, – ответил Ли.

Поднялись на холм, откуда открылась широкая ложбина с протекающим через нее ручьем. Пространство на его восточном берегу было застроено густо, без всякого намека на какую-нибудь планировку. Дома с плоскими крышами и узкими окнами соседствовали с грудями мусора – битых плит непонятно из какого материала, ржавых железяк, сложных корявых механизмов. Торчали ажурные башенки, на их вершухах сверкали нацеленные в небо красные чаши.

В тишине слышались вздохи ветра и журчание текущей

воды.

– Да, унылое местечко, клянусь четверкой, – заметил Вильям. – И не похоже, чтобы это селение пострадало от какой-то катастрофы. Скорее всего отсюда просто ушли или все умерли...

– Да, возможно. – Арагонес утратил обычный залихватский тон. – У меня от одного вида этих развалин мурашки по коже.

Руины и вправду выглядели зловеще. Между домами лежали густые черные тени, окна напоминали морщины, казалось, что за ними прячется нечто опасное и очень жуткое...

– Полюбовались, и будет. – Ли, как обычно, сохранял полное спокойствие. – А теперь пошли.

Заходить в поселок не стали, пересекли ручей севернее и прошли в полусотне метров от окраины. С близкого расстояния стало видно, что стены покрыты паутиной трещин, кое-какие окна провалились внутрь, и через проломы виднеются похожие на колодцы комнаты.

Когда поселок хозяев планеты скрылся из виду, многие легионеры вздохнули с облегчением.

– Отыскиваем место для ночлега, – сказал Ли примерно через час, когда светило Апион-Фарит наполовину скрылось за горизонтом.

Остановились около очередной речушки, рядом с островком леса, занимающим площадь в какой-то квадратный километр. Легионеры с удовольствием избавились от груза, до-

зоры окружили лагерь кольцом.

– Так, посмотрим, что тут у нас. – Вильям вытащил из рюкзака квадратную пластиковую банку «консервов».

Их бойцам выдали еще в Шарендаре, причем, по уверениям раосейцев, в банках содержалась пища для гуманоидов.

– Лучше не смотреть, – хмыкнул Арагонес, – а есть с закрытыми глазами. Этим ты нервы побережешь...

В банке оказалась волокнистая буроватая масса, по виду отдаленно похожая на тушенку, а по вкусу – на соевый сыр. Удовольствия, пережевывая ее, Снарк не получил, но хотя бы почувствовал себя сытым.

– Ничего, есть можно, – сказал он, запив ужин витаминизированным напитком из фляжки. – И не такое жевали, хотя бы тот же Новый Орегон вспомнить или Вальхаллу, где всякую дрянь приходилось жрать.

Гаррисон почесал голову:

– Неохота мне ее вспоминать. Лучше вы мне вот что скажите – тут вообще есть хаурваки? А то ни флайеров в небе, вообще ничего. Ни шуму, ни гаму. Только развалины да вот эти штуковины. – Он ткнул в черное небо, где висел диск очередной орбитальной станции.

– К сожалению, аборигены тут имеются, – сказал Ли. – Не будь их, наше задание оказалось бы слишком простым.

– Почему же они никак себя не проявляют? – спросил Соболев.

– Потому что им это не нужно. Насколько я понимаю, на

Апион-Фарит сейчас обитают несколько миллионов особей. Но у хаурваков нет королевы, которая только и способна подвинуть их на действия. Поэтому они не то чтобы живут, они просто существуют, ожидая времени, когда очередная глобальная идея вызовет у них всплеск активности.

– Это как? – спросил Вильям.

– Предки хаурваков были животными стадными. – Похоже, Ли в Шарендаре потратил время на то, чтобы узнать побольше о потенциальных врагах. – И они, как лемминги, совершали порой коллективные самоубийства. Обретение разума не избавило хаурваков от склонности впадать в массовое безумие, вот только проявляется оно теперь иначе. Время от времени хаурваков охватывает желание воплотить в жизнь ту или иную идею, темную и непонятную для представителей всех иных рас, и олицетворяет эту идею лишь королева. И тогда они затевают войны, устраивают казни сородичей, осваивают новые планеты. Раньше подобная одержимость накатывала на них часто, сейчас, к счастью, пореже. В перерывах между периодами активности они существуют в равновесии со средой, не имея ни желаний, ни стремлений.

– Надо же, и каких только чудес не бывает, – протянул Гаррисон. – А почему у них бабы правят?

– Точнее, не бабы, а бесполое особи, не способные к размножению. Их именуют королевами просто по традиции, – ответил Ли. – Живут они гораздо дольше, чем обыкновенные хаурваки, тройной или даже четверной срок.

– А бесполое, чтобы о сексе не думали, – усмехнулся Арагонес. – Не отвлекались, так сказать, от дел государственных. Да, глядя на нашу историю, впору подумать, что это разумно.

– История хозяев этой планеты не менее глупа и жестока, – сказал Ли и зевнул. – Ладно, видят духи, хватит болтать, спать пора. Завтра выступаем еще до рассвета и идти будем весь день.

Бывшие легионеры, негромко переговариваясь, принялись разворачивать спальные мешки. Через пять минут все затихло, лагерь погрузился во тьму и тишину.

* * *

С вершины поросшего редким кустарником холма, где залегли дозорные, хорошо просматривалась вся огромная котловина. С севера и востока ее загораживали горы, с юга и запада подходы оставались открытыми. В предгорьях, у подножия отвесных серых скал, находился поселок, а центр котловины занимала гробница – гигантская, лоснящаяся, как панцирь черепахи размером с город.

У темных и узких входов в нее замерли статуи хаурваков, высеченные из черного и белого камня.

– Смотри-ка, а селение обитаемо, – заметил Вильям.

– Точно, – кивнул Арагонес.

По плоским крышам домов и между зданиями неспешно ковыляли высокие, какие-то нескладные фигуры, замотан-

ные в темные тряпки. Покачивались маленькие головы, и две пары рук совершали сложные жесты. А вообще обитатели поселка выглядели вялыми, апатичными.

– Да, а я до последнего надеялся, что гробница окажется такой же брошенной, – протянул Гаррисон.

На Апион-Фарит бойцы провели двое местных суток, что примерно соответствовало трем земным. За это время прошагали не один десяток километров, миновали несколько оставленных жителями поселков. До сегодняшнего дня не встретили ни единого хаурвака, если не считать иссохший труп в одном из селений. Благодаря сухому климату он не сгнил, а превратился в мумию.

– Снарк, что там у вас? Доложить обстановку, – прозвучал из наушников шлема голос Ли.

– Все в норме. Наблюдаем гробницу и обитаемый населенный пункт около нее.

– Хорошо. Сейчас я подойду.

Перед появлением сержанта в поселке началось активное движение. Хаурваки собрались вместе и, подняв верхние и средние конечности, вереницей зашагали в сторону гробницы. Донеслось унылое монотонное завывание.

– Чего это они? – заволновался Арагонес. – Несут что-то?

– Если только невидимое, – ответил Вильям, оборачиваясь на шорох за спиной. – А, Ли, это ты? Вон, полюбуйся...

Хаурваки неспешно прошествовали к ближайшему входу в гробницу, остановились и начали монотонно кланяться.

Покончив с этим делом, затеяли сложное перестроение, образуя то круг, то прямоугольник, то ломаную линию.

Завывание, похожее на жуткую песню, не прекращалось ни на миг.

– Какой-то обряд, – сказал Ли, когда обитатели поселка у гробницы дружно повалились на землю. – Похоже, что похоронный. Но кого они собрались хоронить? Что-то я мертвеца не вижу...

– Может, репетируют? – предположил Вильям. – Чтобы не забыть и сделать все правильно, когда новую королеву придется погребать.

– Возможно, – кивнул Ли. – Но это не так важно. Нас больше должна интересовать система охраны.

На изучение окрестностей гробницы потратили около часа, но не обнаружили ничего похожего на камеры наблюдения, посты или линии контактной сигнализации.

– Такое впечатление, что ее не охраняют вообще, – заметил Ли, и в голосе его прозвучала досада. – Но этого не может быть, и значит, мы просто не в силах понять, где тут подвох. А это, сами понимаете, очень плохо... Ладно, дождемся ночи.

Оставив дозорных на вершине холма, он вернулся туда, где ждали прочие бойцы.

Хаурваки вскоре закончили валяться в грязи и направились обратно в поселок. Ближе к ночи там все замерло, обитатели попрятались по домам. Погасли огни в окнах, селение

будто вовсе пропало во тьме.

– Все чисто, – доложил Вильям.

– Отлично, выдвигаемся, – отозвался Ли. – Вы присоединяетесь к первой группе. Ждите на месте.

Отряд, согласно разработанному еще в полете плану, делился на три группы, и у каждой имелось по радитовой бомбе. Группам предстояло двигаться к гробнице с разных сторон и заложить бомбы как можно дальше друг от друга.

Достаточно одной, чтобы на месте сооружения остался кратер глубиной сто метров, но подстраховка еще никому не мешала.

Через десять минут на вершине холма, где ждали Вильям, Гаррисон и Арагонес, стало довольнолюдно.

– Вставайте, и пошли, – сказал Серое Облако, возглавлявший первую группу. – Очень тихо и медленно...

Спешить и вправду смысла не было – ночь на Апион-Фарит длинная.

Неторопливо спустились с холма и зашагали туда, где во мраке выделялась туша гробницы. Зашуршала под ногами короткая и жесткая трава, похожая на волоски старой щетки.

В тишине и темноте двигались короткими перебежками от укрытия к укрытию, прикрывали друг друга. В зените виднелся овал орбитальной станции, мягко светили звезды. На горизонте угадывались облака – редкая вещь для сухой планеты.

Заметив краем глаза какое-то движение, Вильям резко по-

вернулся.

Еще не успев ничего сообразить, он шлепнулся на землю, и гибкое поджарое тело пронеслось над ним. Вильям увидел блеснувшие на длинных лапах когти. Загудел дезинтегратор. Непонятно откуда взявшийся хаурвак нанес четыре быстрых удара, один – точный, и лишь после этого превратился в решето.

– О нет... – прошептал Вильям, глядя, как один из легионеров падает, а из скрытых под маскирующим пологом ран хлещет кровь.

Хаурвак свалился мгновением позже, длинные конечности заскребли по земле.

– Всем тихо! Залечь! – Напряженный голос Серого Облака помог Снарку немного прийти в себя. – Круговая оборона!

Вильям перекатился, выставил перед собой дезинтегратор.

Вокруг по-прежнему было темно, тихо и спокойно, точно в погребе. Ничего не двигалось, и лишь ветер шелестел в траве.

– Откуда он только вылез на нашу голову? – сердито прошептал Гаррисон.

– Из-под земли, – ответил Серое Облако. – Вон там дыра. Готов заложить что угодно: вокруг гробницы целая сеть таких подземных постов. Слух у этих тварей отличный... А это еще что такое?

Там, где лежал раненый, неярко сверкнуло, повеяло сухим жаром. Вильям перевел взгляд и увидел, как опало белое, почти невидимое пламя и на том месте, где только что лежал человек, осталось лишь неровное пятно пепла.

– Он сгорел! – потрясенно воскликнул Арагонес. – Но почему?

– Это как раз легко понять, – процедил Серое Облако. – Наши боссы не желают оставлять следов. Поэтому они запрограммировали основные костюмы так, чтобы они уничтожали и себя и носителя в том случае, если он погибает.

– Но мы же регенерируем, и раосейцы об этом знают... – прошептал Вильям.

– Из пепла возродиться нельзя. – Судя по голосу, навахо был очень сердит. – Это известно старшим сегментам. И именно поэтому они поступили таким образом, чтобы исключить возможность того, что в руки хаурваков попадет свежий труп или воскресший человек. Времени на то, чтобы ждать завершения регенерации, у нас все равно нет, а нести тело с собой – сложно. Так что это решение выглядит разумным, если забыть о том, что оно обрекает на смерть наших соратников. Фергюсон, Лундквист, а ну, загляните в эту дыру, а я пока осмотрю тело...

Хаурвак оказался несомненно и однозначно мертв. Голову его пробили несколько выстрелов, еще один пришелся в верхнюю часть груди, где располагался аналог людского мозга.

Двое легионеров изучили лаз и обнаружили, что он ведет в просторную камеру с лежаком и системой вентиляции. В полу камеры нашли вход в еще один тоннель, ведущий к поселку.

– Да, заметить их мы не могли, – сказал Серое Облако. – Подождите немного, я свяжусь с Ли...

После недолгих переговоров между командирами группы и всего отряда двинулись дальше. Через полсотни шагов наткнулись еще на один пост, но на этот раз были наготове и не дали хаурваку никаких шансов.

– Не понимаю, – прошептал Вильям, опуская дезинтегратор. – Должна подняться тревога, засветиться прожекторы, завывать сирены, к гробнице обязаны сбежаться все обитатели поселка, которые могут сражаться... Почему ничего не происходит?

Селение хаурваков выглядело мертвым и темным, как и час назад, и усыпальница столь же мирно висилась во мраке.

– Ли бы тебе все объяснил, – ответил Арагонес, – но мне кажется, что охрана гробницы стала для этих типов чем-то вроде ритуала. Священным обрядом, а никак не банальным нахождением на посту...

– Они отвыкли от опасности и не думают, что кто-то может им угрожать, – добавил Гаррисон.

Мысль выглядела здоровой и объясняла многое, если не все.

По пути уложили еще одного выскочившего из-под земли

охранника и подобралась к самым стенам усыпальницы. Она нависла над головой, заслонила половину неба, стало видно отверстие входа и две статуи по сторонам от него – черная, как сама ночь, и такая белая, что во мраке казалась светящейся.

Изваяния походили на хаурваков, только верхние конечности у них заканчивались не просто когтями, а настоящими клинками метровой длины.

– Не нравятся мне эти штуки, – заметил Серое Облако, неожиданно останавливая группу. – Может, стоит расстрелять их с безопасного расстояния? Все равно мы наследили, дальше некуда...

Раздался тихий звук, похожий на хруст скорлупы расколовшегося ореха. Глаза статуй загорелись лиловым огнем. Оба изваяния ловко спрыгнули с постаментов и двинулись к людям.

– Огонь! – скомандовал Серое Облако.

Вильям вскинул дезинтегратор. Рыжая точка прицеливания совместилась с приближающейся черной фигурой. Он нажал на сенсор, оружие чуть слышно загудело, из ствола вырвался еле заметный голубой луч. В животе у изваяния появилась дырка, но каменный хаурвак даже не дрогнул, лишь быстрее заработал ногами.

– Он неуязвимый, что ли, жопа крокодила? – проворчал Гаррисон.

Вильям успел выстрелить еще раз, затем вынужден был

отпрыгнуть, уходя от смертоносных клинков. Один из «мечей» просвистел рядом с головой, другой ударил Арагонеса в бок. Уроженца Сан-Педро отшвырнуло на несколько метров, но костюм выдержал.

– Огонь! – рывкнул Серое Облако, посылая в черного врага один разрушительный импульс за другим.

Замахнувшаяся для нового удара статуя, оказавшаяся боевым роботом, замерла. С громким шелестом отвалилась одна из ее конечностей, вспыхнул, разорвавшись, правый глаз. Из отверстия в голове ударил фонтан белоснежных искр, тяжелое тело пошатнулось и грянулось оземь.

Мгновением позже свалилось и белое изваяние, при падении рассыпавшись на части.

– Ох, видит Святая Дева, что грешен я... – Арагонес с трудом поднялся с земли. – Но пока терпит мои грехи...

– О грехах будем думать потом, – сурово промолвил Серое Облако. – У нас мало времени. Вперед.

Держа наготове оружие, они вступили в пределы гробницы. Вильям ощутил мощный запах тления, старой, слежавшейся пыли и через мгновение оказался в темноте, настолько густой, словно на голову накинута толстая одеяло. Отказал даже инфракрасный фильтр в забрале шлема.

– Стоять, – прозвучал во мраке голос Серого Облака. – Где-то у меня был фонарик...

Луч тусклого света упал на серую стену, покрытую тысячами корявых значков, похожих на раздавленных насеко-

мых. Осветил узкий коридор с высоким потолком, пол, покрытый слоем пыли толщиной в палец.

– Может, установим бомбу прямо тут? – предложил Фергюсон, плечистый мрачный шотландец.

Серое Облако покачал головой:

– Нет, зайдем поглубже. Хотя мне тоже не хочется туда идти...

В гробнице, где хаурваки тысячелетиями хоронили королев, властвовало тягостное безмолвие. Шорох шагов казался оглушающим, чудилось, что стены вот-вот обрушатся на дерзких чужаков, рискнувших забраться сюда. Что-то давило на сердце, каждый вдох отдавал горечью, и Вильям чувствовал, что силы вытекают из тела, как воздух из пробоины в звездолете...

Шли медленно, словно продавливались через вязкую жидкость.

– Вот и пришли, – прохрипел Серое Облако, когда стены раздались в стороны и впереди открылся зал размером с футбольный стадион.

Он был заполнен глыбами прозрачного камня, похожими на стоячие гробы. В свете фонаря их грани блестели, а внутри угадывались вытянутые тела, многосуставчатые лапы, огромные глаза. Весь пол покрывали точно такие же значки, как и стены коридора.

– Они что, хоронят своих стоя? – нашел силы удивиться Вильям, но изумление пропало, сменившись непонятной

тоской.

Захотелось остаться здесь навсегда, бросить все, забыть родную Землю и вечно созерцать замурованные в толще нетающего льда жуткие лики, изучать таинственные знаки, такие интересные, притягательные...

– Отставить! – Голос Серого Облака прозвучал слабо, но его хватило, чтобы стряхнуть наваждение. – Устанавливаем бомбу и уходим...

Вильям поднял забрало шлема и вытер мокрое от пота лицо.

Из рюкзака одного из легионеров появился черный полуметровый цилиндр. Навахо активировал крохотный пульт на его боку, ввел код доступа. Бомба зажужжала, точно огромный сердитый шмель, а потом затихла, по ней побежали крохотные трещины.

Через одну шестую медиацикла, или через трое земных суток, оболочка разрушится окончательно, и сработает заключенный внутри ее взрыватель. От усыпальницы королев хаурваков останется только раскаленное воспоминание.

Бывшие легионеры к этому времени должны уйти далеко...

Остановить запущенный процесс не сможет никто и ничто, кроме разве что взрыва Сверхновой. Удалить «заякоренную» бомбу из гробницы так, чтобы она не сработала, почти невозможно.

– Все, уходим! – Даже внешне массивный ящер Серое Об-

лако выглядел ошарашенным. – Пока окончательно с ума не сошли. Наверняка у них тут генераторы пси-излучения стоят.

Обратную дорогу наружу, хотя заняла она всего ничего, Вильям запомнил плохо – перед глазами все плыло, казались серые стены, испещренные уродливыми буквами. В ушах звенело, сердце колотилось как бешеное, а в горло лезла пыль, едкая, отдающая гарью и солью...

В себя он пришел только под черным бездонным небом.

– Неужели мы сделали это? – прошептал Гаррисон. – Я уж думал, что все, никогда не выберемся...

– Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь, – вспомнил Вильям одну из поговорок Соболева. – Вот как выпьем пива в «Добром глотке», так и будешь бахвалиться.

– И то верно, – кивнул Арагонес.

К точке сбора вышли первыми, через полчаса подошла вторая группа. Как выяснилось, они потеряли двух человек на подходах к гробнице, а один погиб внутри – выстрелил себе в голову из дезинтегратора. Ну, а костюмы превратили тела всех троих в пепел.

Третью группу, которую возглавлял Ли, прождали дольше всего, но зато она вернулась без потерь.

– Видят духи, это было не так просто, – сказал бывший сержант, оглядывая поредевший отряд. – А теперь делаем ноги, и побыстрее. Через несколько часов наступит утро, трупы будут обнаружены, и за нами скорее всего начнется

охота.

И бывшие легионеры цепочкой двинулись на запад, прочь от обреченной гробницы.

* * *

Ноги гудели, по бедрам и голениям пробегали судороги. Вильям сидел, привалившись спиной к валуну цвета речного песка, и массировал многострадальные конечности. Рядом мрачно посапывал Арагонес, открывая банку консервов.

– Надоела мне эта жратва, – сказал он, когда стало видно содержимое банки – неизменная бурая волокнистая масса. – Так и тянет выстрелить в кого-нибудь из них...

И он кивнул в сторону опушки расположенного неподалеку островка джунглей, где по веткам сновали, деловито перекрикиваясь, упитанные многоногие «белки» с длинными пушистыми хвостами.

– Ничего, обойдешься этим, – отозвался Вильям. – Кто знает, вдруг эти твари несъедобны?

– Эта фигня тоже несъедобна, а мы ее какой день лопаем. Будешь спорить? – И Арагонес, тяжело вздохнув, запустил ложку в банку.

Тянулись вторые сутки после визита бывших легионеров в гробницу. Все это время они шли, шли и шли, спасаясь от ярости родичей погибших хаурваков. Но погони не было видно, и это странным образом не успокаивало, а заставляло

сильнее волноваться и думать, что хозяева Апион-Фарит настолько могущественны, что могут не тратить силы на скачки по горам, а просто встретить беглецов у того же корабля.

От усталости, недосыпа и постоянного напряжения все стало раздражительны и гневливы, только Ли сохранял всегдашнее хладнокровие да Серое Облако не потерял обычной уверенности в себе.

– Лопаем, а куда деваться? – Вильям прекратил массировать ноги, снял с пояса флягу и отхлебнул из нее.

Насыщенная витаминами смесь давно закончилась, и приходилось обходиться обычной водой, благо речушки и ручьи встречались часто. Радовало только одно – до звездолета, по всем расчетам, осталось совсем немного.

– Подъем, парни, подъем! – Ли, как обычно, вскочил прежде других. – Потом отдыхать будем, сейчас надо идти.

– Ох, надо. – Арагонес отшвырнул банку, та покатила по камням, вспыхнула ярким пламенем и превратилась в пепел.

Раосейцы позаботились о том, чтобы младшие сегменты не оставляли никаких следов.

– Знаешь что? – обратился Вильям к Арагонесу, когда они пустились в путь и натруженные ноги сначала разболелись, а потом боль притупилась. – Дрянная еда – это ерунда. Меня другое беспокоит.

Неприятная мыслишка сидела в голове с того момента, когда тело еще способного ожить легионера обратилось в пепел, и упорно не желала уходить. Грызла сознание, словно

медведка – корни яблони.

– Что именно? – спросил Арагонес.

– Насколько далеко наши боссы готовы зайти в стремлении обеспечить тайну операции. Если тела погибших и все остальное, что может выдать раосейцев, обращается в пыль, то логично уничтожить и самую главную улику.

– Какую?

– Нас. Мы единственные информированные свидетели.

– Да ну, – махнул рукой Арагонес. – Они же от лица всего патроната клялись не причинять нам вреда, еще на Таугросе. А Ли говорил, что эти червяки-телепаты не нарушают своего слова.

– Это верно, клянусь четверкой. Но ведь можно погубить нас чужими руками.

Арагонес поскреб затылок, выражения лица друга Вильям в этот момент видеть не мог, но подозревал, что оно довольно озадаченное.

– Ладно, чего уж там, все равно мы ничего изменить не можем, – пробурчал уроженец Сан-Педро.

На этом разговор и закончился.

А еще через час впереди показался ярко сверкающий в лучах закатного солнца корпус «Радости бабушки».

– Странно, – сказал Ли после того, как отправленная к звездолету разведка не обнаружила никакой засады и вошла в контакт с Умником. – Или нам и вправду дают уйти, или я чего-то не понимаю.

Но сомнений командира почти никто не разделял. Легионеры просто радовались тому, что сложная дорога закончилась, что наконец-то удастся выспаться и нормально отдохнуть. Даже Вильям ощущал, что беспокойство отступило, сметенное теплой волной радости.

– Рад приветствовать вас на борту корабля, – заявил Умник, едва первый из легионеров вступил внутрь звездолета.

– А как уж мы рады тебя приветствовать, ты не представляешь, – просипел в ответ Соболев.

На борту «Радости бабушки» маскировочные комплексы перестали действовать, и Вильям увидел лица приятелей, от которых отвык за последнее время. Прошел к своему ППК, с наслаждением сбросил с плеч рюкзак и принялся трансформировать костюм. Краем уха прислушался к тому, как Умник докладывает Ли о том, что происходило рядом со звездолетом во время их отсутствия.

– Попыток сканирования окрестностей корабля за время вашего отсутствия не отмечено, – бодро рапортовал искусственный интеллект, – появления наделенных разумом подвидов жизни в окрестностях корабля не отмечено, задержки в логических цепях...

Сержант слушал молча и все больше хмурился.

– Ладно, – сказал он, когда доклад был закончен. – Готовь корабль к взлету.

– Слушаюсь, – ответил Умник, и его голограмма поблекла и растворилась в воздухе.

– Вот это, я понимаю, житуха. – Снявший костюм Арагонес голым шлепнулся на ППК, и умное кресло принялось делать хозяину массаж. – О-хо-хо, хорошо-то как... ой-ей, давай-давай...

– Смотри, обивку от радости не забрызгай, – широко улынулся Гаррисон. – Эх, скоро будем дома, в смысле, в Шарендаре...

В душе Вильяма снова ожили нехорошие подозрения, но он постарался не дать им ходу.

Через пятнадцать минут «Радость бабушки» стартовала, и разместившихся в ППК легионеров слегка прижало к креслам. Корабль окутало пламя, а затем он вырвался за пределы атмосферы Апион-Фарит, в иллюминаторах засверкали звезды, поплыли шары орбитальных станций.

– Умник, сколько до входа в гиперпространство? – поинтересовался Ли, когда ускорение исчезло и стало можно встать с кресел.

Прежде чем ответить, искусственный интеллект звездолета, как обычно, воплотился в голограмму; правда, на этот раз она получилась какая-то дрожащая, мерцающая.

– Сбой выполнения программы... – Голос Умника истончился до писка, затем понизился до могучего баса, от которого задрожали стены, а у Вильяма засвербело в ушах. – Сбой... выполнения... программы... полета...

– Этого еще не хватало, – помрачнел Ли. – Доложи о причинах сбоя. Какую именно часть программы ты не в состоя-

нии выполнить?

– Задержки в логических цепях... – На мгновение Умник пропал, затем вновь появился, но уже в другом месте. – ...Двести пятого и сто пятого секторов... нарушен доступ к управлению блоком калибровки... Без него невозможно перевести двигатель... в режим критической нагрузки и вызвать взрыв корабля.

– Что вызвать? – Первый раз в жизни Вильям увидел, как невозмутимый Ли бледнеет.

Он сам в этот момент ощутил только мрачное удовлетворение человека, подозрения которого оправдались.

Гаррисон выругался, помянув крокодилию мошонку, Арагонес вытаращил глаза, многие легионеры замерли с открытыми ртами, на их лицах отразилось ошеломление.

– Вызвать взрыв корабля, – ответил Умник неожиданно четко. – Наблюдаются также задержки в логических цепях в блоках один, семнадцать, тридцать шесть, а это ведет к искажению основных функций...

– Отставить доклад, – сказал Ли. – Взрыв корабля входит в полетную программу?

– Да.

В пассажирском салоне «Радости бабушки» наступила полная тишина, но всего лишь на мгновение.

– Ну, ни хрена себе! – прорычал кто-то. – Эти ублюдки нас подставили!

– А старое корыто, на наше счастье, начало разваливать-

ся, – добавил Соболев вполголоса.

– Отставить панику! Всем заткнуться! – повысил голос Ли, а затем вновь обратился к искусственному интеллекту звездолета: – Отставить выполнение программы полета и сбросить скорость.

– Отсутствует доступ... отсутствует доступ... – забормотал Умник, неравномерно мерцая и дергаясь.

– Зато присутствует доступ к пульту, – свирепо заявил Гаррисон. – И если врезать по нему посильнее, то твои электронные мозги разлетятся на кусочки. И восстанавливать их никто не будет.

– Отсутству... – Искусственный интеллект запнулся, а потом то ли сработал инстинкт самосохранения, то ли случилась очередная задержка в логических цепях. – Ваш доступ принят... Отбой полетной программы.

– Хорошо, – проговорил Серое Облако. – От немедленной гибели мы, как я понимаю, спаслись. Надо решить, что делать дальше.

– Лететь в Шарендар и показать этим ублюдкам, что нехорошо нарушать данное слово! – крикнул кто-то из задней части салона.

– Вряд ли у нас будет такая возможность, – покачал головой Ли. – Да и слово раосейцы скорее всего хитро обошли... Умник, оцени запасы топлива и сообщи, кто закладывал программу полета.

– Энерговооруженность позволяет двигаться в преде-

лах звездной системы. Вход в гиперпространство исключен. Программа введена Ллалх'Ри-Стеком на планете Се-Рахонаг.

– Так-так. Имя, видят духи, не раосейское, так что никто не нарушил данного нам обещания. Но старшие сегменты постарались, чтобы эта операция не оставила никаких следов.

– Что же делать?.. Садиться на Апион-Фарит и сдаваться? – растерянно спросил Арагонес.

Вильям покачал головой:

– Чтобы хаурваки замучили нас каким-то хитрым образом? Нет, это не пойдет. Я вот что думаю – раосейцы наверняка должны следить за нами. Ну, чтобы узнать, чем все закончится. Так что их корабль находится где-нибудь неподалеку, просто укрыт от наших сканеров. Если мы сядем обратно на планету, то они, конечно, захотят узнать, что случилось...

Серое Облако потрянул длинными волосами:

– Ты хочешь захватить их корабль? Да, это было бы возможно, если бы не одно препятствие. Раосейцы – телепаты, они почуют твои враждебные мысли за километр.

Ли задумчиво почесал лоб:

– Вообще звездолетов в этой системе полно. И наверняка среди них имеются брошенные, но готовые к полету.

– Ты говоришь о хаурвакских? – уточнил Вильям.

– Именно о них. Десятки покинутых, но работоспособных

громадных орбитальных станций – на них можно найти все, что угодно. Если хорошенько поискать, конечно.

– А кто будет управлять чужим звездолетом? – уныло спросил Гаррисон. – Уж не ты ли, сержант?

Ли единственный раз брался за штурвал космического транспортного средства, а именно – спасательной орбитальной шлюпки, и закончилось это впечатляющим падением на Таугрос.

Вильяму оно иногда являлось в кошмарных снах.

– Не я. – Маленький китаец повернулся и указал на приборную доску. – Он. Умник, срочно просканировать ближние орбитальные станции на наличие готовых к полету космических кораблей. А также сообщи, возможен ли твой перенос на другой звездолет.

– Да, возможен, – голограмма искусственного интеллекта появилась в проходе между рядами ППК, – если их квазиживая нервная система соответствует стандартам классов пять или шесть общей классификации. Схема переноса управляющих блоков выглядит следующим образом...

И прямо в воздухе появился трехмерный план «Радости бабушки», где красными стрелочками были отмечены жизненно важные узлы. Через полчаса стало понятно, что извлечь Умника из звездолета рамирехо не так сложно и что он даже сможет работать в автономном состоянии.

– Осталось только найти этим электронным мозгам новый дом, – пробормотал Вильям, когда объяснения были закон-

чены. – И тогда... тогда у нас и вправду будет шанс выжить...

– А если не найдем? – спросил Арагонес.

– Отправимся к твоей Святой Деве, – хохотнул Гаррисон, но без особого веселья. – Нам останется только выбрать – как именно.

– Сканирование завершено, – сообщил Умник, прерывая довольно неприятный разговор. – Вывожу результаты.

В окрестностях корабля находилось пять орбитальных станций. Две из них были обитаемы, одна – окружена защитным полем, еще одна представляла собой железную оболочку, и только последняя, находившаяся ближе всего, выглядела мертвой, но не до конца, и в доках ее стояли звездолеты.

– Двигаемся туда, – сказал Ли. – Постарайся пристыковаться поближе к тем кораблям, что сохранились лучше.

«Радость бабушки» повернула, так что красно-коричневая глыба Апион-Фарит оказалась по левому борту. Прямо по курсу появился серебристый «сундук» с торчащим из крышки «кинжалом». Когда приблизились к станции, стало заметно, что поверхность «сундука» утыкана башенками разного вида, а «кинжал» иззубрен подобно двусторонней расческе.

– Экая хреновина, – заметил Гаррисон, глядя на сверкающие в лучах местного светила шпили, темные провалы и выпуклости, подозрительно напоминающие фазотронные орудия. – И висит тут неизвестно сколько...

– Совершенно точно известно. – Умник нарисовался по-

чему-то под потолком. – Система информации станции находится в дремлющем состоянии, но считать с нее данные можно. Данный объект планетарной обороны под кодовым именем Же-Рау-Хэ семьдесят один был выведен на орбиту семьдесят семь универсальных циклов, сорок пять медиациклов и триста семьдесят три мини-цикла назад.

– То есть чуть меньше четырехсот земных лет, – подсчитал Вильям. – Да, хаурваки умели строить...

– До стыковки одна десятая мини-цикла, – предупредил Умник, и ППК осторожно, но в то же время уверенно зафиксировали пассажиров.

Скорость корабля упала до минимума, обзорный экран заполнило изображение серебристого штыря толщиной с небоскреб. Потом оно исчезло, раздался раскатистый грохот. «Радость бабушки» дернуло, кресла покачнулись, но тут же всякое движение прекратилось.

– Стыковка осуществлена успешно, – доложил Умник. – Провожу подключение к системе информации станции...

– К оружию, парни, – велел Ли. – Кто знает, что ждет нас внутри этой механической луны...

Вильям вылез из ППК, превратил основной костюм в подобие глухого боевого скафандра.

– Искусственная гравитация внутри станции поддерживается, но атмосфера непригодна для дыхания, – подвел итоги собственных изысканий Умник. – Маршрут до ближайшего исправного корабля загружен в ваши костюмы. Реакция на

наше появление последует не позже чем через мини-цикл, вероятность проявления агрессии – девяносто процентов.

– Немало, – сказал Ли. – Соболев, Снарк, оставайтесь помогать мне. Серое Облако, бери остальных, и двигайтесь разведывать дорогу. Не забудьте загерметизировать костюмы и оставайтесь на связи.

– Есть! – Навахо коротко кивнул, развернулся и поспешил прочь из салона, за ним затопали легионеры.

Вильям, Соболев и Ли остались втроем.

– Ну что, Умник, подсказывай, – проговорил командир группы. – А то сделаем что-нибудь неправильно – и тебя погубим, и сами сгинем...

– Сначала – основной вычислительный блок, – донесся голос из-под потолка. – Первый шаг – снятие блокировки...

После десяти минут возни из-под приборной панели был извлечен черный гладкий куб с длиной ребра сантиметров тридцать. Его вытащили на свет, и в стенки с шорохом втянулись белесые, похожие на корни провода. Дырочки закрылись, и куб стал выглядеть монолитным.

– Теперь секции памяти, правая и левая. – Умник шептал людям в уши, точнее – в канал связи основных костюмов. – Располагаются они в основном приборном отсеке позади пассажирского салона. Первый шаг...

Еще через пятнадцать минут трое легионеров стали обладателями двух блестящих цилиндров, похожих на пороховые снаряды.

– Все? – спросил Ли.

– Да. Время автономной работы в этом состоянии – три мини-цикла. Если до его истечения не подключить части к источнику питания, наступит необратимое разрушение логических цепей.

– Ладно, попытаемся уложиться, – кивнул сержант. – Я беру основную часть, вы – память, и вперед.

Вильям последний раз оглядел салон старого звездолета. Подумал, что он навечно останется тут, у боевой станции хаурваков, будет носиться вокруг Апион-Фарит, пока не случится катастрофа звездного или планетарного масштаба. И мысль эта вызвала почему-то жалость к устройству, долгие годы верой и правдой служившему разумным существам, а ныне – безжалостно выброшенному...

Корабль покинули через средний люк и оказались в узком и высоком тоннеле, где под потолком горели зеленоватые лампы, а пол был ребристым, точно поверхность доски для стирки.

– Пять минут назад случилось боевое столкновение, – доложил один из двоих оставленных тут легионеров. – Потерь нет, дорога расчищена.

– Хорошо, – сказал Ли. – Пошли.

Вильям тащил тяжелый и скользкий блок памяти и без оружия в руках чувствовал себя беззащитным, едва не голым. Они шагали меж металлических стен, кое-где покрытых лиловыми пятнами, пересекали участки полной темно-

ты, попадали туда, где приходилось затемнять забрало шлема.

Потом очутились в просторной комнате, уставленной прозрачными квадратными колоннами. Тут наткнулись на следы «боевого столкновения» – дырки в стенах, разбросанные по полу детали, серые и зеленоватые, похожие на человеческие кости.

– Ничего себе... – проговорил Вильям, разглядывая почти целое существо, напоминающее Кощея Бессмертного из старых фильмов, только с железной собачьей головой и колесами вместо ног. – Так тут что, есть живые?

В туловище «Кощея» темнело аккуратное отверстие, оставленное дезинтегратором, и через него медленно сочилась маслянистая белая жидкость.

– С вероятностью семьдесят пять процентов – роботы, – подал голос Умник. – Слуги, что оставлены здесь для наблюдения и контроля. Общее их число может превышать десятки тысяч.

– Да, здесь их было явно меньше. А значит – могут быть еще, – сказал Соболев и нервно оглянулся.

Вильям почувствовал себя очень неудобно. Он уловил донесшийся откуда-то снизу легкий скрежет, будто острый коготь царапнул металл. Захотелось взять дезинтегратор или оказаться в ином, куда менее опасном месте.

– Но мы не будем ждать, когда они вылезут из логовищ, – проговорил Ли, и они пошли дальше, следуя подсказкам Ум-

ника.

Прошли вдоль стены в огромном помещении, потолок которого терялся во мраке, в глубине угадывались очертания гигантских, невероятно сложных механизмов, и каждый шаг порождал гулкое эхо. Миновали несколько коридоров, где пол был покрыт слоем серого песка.

А у входа в точно такой же коридор, как тот, что вел к «Радости бабушки», Вильям вновь уловил тихий скрежет, и на этот раз – за спиной. Повернулся и увидел, как к ним по потолку несется нечто похожее на огромного паука.

– Получи, грязная скотина! – Шагающий замыкающим легионер с дезинтегратором вскинул оружие.

«Паук» растопырил конечности и с грохотом рухнул на пол, в стороны полетели точно такие же «кости», что лежали в комнате с колоннами. Из поднявшегося облака дыма вылетела бесцветная веревка, обвила стрелка за шею. Он дернулся, захрипел и принялся медленно оседать.

– Олег, держи! – Вильям сунул цилиндр блока памяти Соболеву, одной рукой схватил падающего товарища, а другой – дезинтегратор.

Первым выстрелом он перебил полупрозрачную нить толщиной в руку, еще двумя превратил остатки «паука» в груды разноцветной пыли. Подхватил пострадавшего под руку и потащил на себе.

Навстречу по коридору уже бежали соратники, в наушниках слышались раздраженные голоса:

– Быстрее! Где вас черти носят?

– Перекрыть правое ответвление...

– До корабля десять метров, мы проникли внутрь.

Потом Вильяму помогли, подхватили раненого, и он смог оглядеться. Обнаружил, что находится в шлюзе, а прямо перед ним – открытый люк, явно сделанный не для людей: очень высокий и чересчур узкий.

– Проходи. – Ли слегка подтолкнул его в спину. – Надо установить нашего электронного друга и поскорее убираться отсюда...

За люком обнаружился настоящий лабиринт хаурвакских переходов. Недолгий путь по нему закончился в просторной рубке, разделенной на три уступа одинакового размера.

На верхнем стояло одно-единственное кресло, более похожее на экспонат из музея испанской инквизиции. Средний занимали три полураскрытых кокона, перед каждым из которых располагалась консоль с множеством рычагов и кнопок. На нижнем места было достаточно, чтобы разместилась рота пехотинцев. Стены покрывали овальные пятна то ли плесени, то ли белесой краски.

– Выбирай, куда тебя устанавливать, – сказал Ли. – А то местные роботы, похоже, не очень любят гостей.

В шлюзовом коридоре, судя по доносящимся из наушников крикам, продолжалась перестрелка.

– Произвожу определение параметров информационной системы корабля, – отозвался Умник. – Время автономной

работы – один мини-цикл.

– Спасибо, что напомнил, – ядовито усмехнулся Соболев, разглядывая кресло. – Это что такое? Капитанский трон?

– Он самый. – Вильям поежился, глядя на торчащие из спинки заостренные штыри и заточенные до бритвенной остроты подлокотники. – Чтобы командир корабля особо не расслаблялся на посту.

– Сканирование завершено, – сообщил Умник. – Квази-живая нервная система таранного судна прорыва Рау-Нордвесте пятьдесят три на шестьдесят три процента соответствует стандартам класса шесть общей классификации. Вероятность успешного вживления – семьдесят два процента.

– Тогда командуй, куда и что... – вздохнул Ли.

Пятнадцать минут они возились, расковыривая пол около капитанского «трона» и устанавливая в заполненной белыми и зелеными трубочками нише «мозг» искусственного интеллекта с «Радости бабушки». В шлюзовом коридоре шел бой, роботы со станции все пытались уничтожить незваных гостей.

– Готово, – сказал Вильям, когда удалось втиснуть блоки памяти рядом с основным и пластина пола встала на место.

«Ушшш...» – донесся из-под потолка протяжный шипящий звук, и по пятнам «плесени» на стенах забегали блики.

Одно из них осветилось, точно экран стереовизора, в нем возникла физиономия Умника, тот его облик, в котором он являлся людям.

– Процесс вживления... займет... предположительно... – Тут человеческое лицо исказилось и превратилось в морду хаурвака. – Щитл-тритл-угаах... половину мини-цикла... Источник питания подсоединен... борьба...

После этого экран погас.

– Понятное дело – пытается себе информационную сеть корабля подчинить, – покачал головой Соболев. – А она сопротивляется. Эх, вот смеху будет, если в этом таранном судне не окажется топлива...

– Будет не смех, а очень много работы, – мягко поправил Ли. – Поскольку нам придется топливо найти и перегрузить. – Он спрыгнул на среднюю террасу, внимательно оглядел один из коконов. – Интересно, в этом можно сидеть? Серое Облако, доложить обстановку.

Из доклада навахо стало ясно, что ситуация на поле боя не меняется – роботы хаурваков атакуют, люди уверенно, без потерь отбиваются. Поэтому трое легионеров спокойно устроились в коконах и стали ждать.

Консоли перед ними время от времени принимались светиться, по настенным экранам пробежали желтые и синие огоньки. Порой они складывались в цепочки символов, похожих на те, что покрывали стены гробницы. Под полом начинало глухо рокотать, корабль трясся и вздрагивал, но затем все прекращалось, и судно хаурваков вновь выглядело мертвым.

– Вживление завершено успешно, – обрушившийся свер-

ху рев заставил Вильяма схватиться за дезинтегратор.

Осветились разом все экраны, на самом большом появилась космическая панорама с тысячами звезд, изумрудным солнцем Апион-Фарит и самой планетой, напоминающей шарик из обмазанной кровью глины. На соседнем возникло лицо Умника, искаженное, но узнаваемое.

Информационную систему хаурваков искусственный интеллект одолел, но при этом сам неизбежно изменился.

– Очень хорошо, – сказал Ли. – Способен ли этот корабль летать? И если да, то насколько далеко?

– Запущен тест двигательной системы и системы жизнеобеспечения. – Умник пропал, но тут же появился вновь. – Энергетические запасы достаточны, чтобы совершить перелет через гиперпространство, корабль способен поддерживать функционирование примерно сотни разумных существ.

Вильям почувствовал, что его почти подбросило волной ликования – они смогли! Сумели! Вырвались из ловушки!

– Значит, все в порядке, – проговорил Ли. – Закрывай люк и начинай готовить звездолет к старту.

– Слушаю и повинуюсь. – И искусственный интеллект вновь пропал.

Через весь корабль пролетел тяжелый грохот – закрылся входной люк. А спустя некоторое время в рубке начали появляться возбужденные легионеры с дезинтеграторами в руках.

– Ага, вот и они! – радостно воскликнул Гаррисон при

виде Соболева и Вильяма. – Пока вы тут прохлаждались, я там такого крокодила завалил! Только ноги и зубы в стороны и полетели!

– На самом деле его завалил я, – самодовольно буркнул Арагонес. – Разве этот черный увалень умеет стрелять? В слона с трех метров, может быть, и попадет, но вот во что-то шустрое...

– Не мельтешите около меня, – вмешался в разговор Ли. – Отправляйтесь вон туда, вниз, там и болтайте.

Пришлось перебираться на третий, самый нижний уступ, и поскольку никаких лестниц не было – прыгать. Едва успели устроиться прямо на гладком полу, как Умник сообщил, что воздух внутри корабля пригоден для дыхания.

– Знакомые запахи, – сказал Вильям, разгерметизировав костюм.

– Точно, – кивнул Соболев. – На Апион-Фарит похоже.

Атмосфера звездолета и вправду напоминала о сухой планете, пахло здесь так же – камнями и голой, бесплодной землей.

– Начинаю обратный предстартовый отсчет. – Умник наконец совладал с трансляционной системой, и голос его не вызвал боли в ушах. – Сто, девяносто девять, девяносто восемь...

– Проверить и активировать сканеры пространства, а также систему защиты, – приказал Ли.

– Слушаюсь... Девяносто семь, девяносто шесть...

– Это еще зачем? – удивился Гаррисон.

– Если наши догадки верны, то корабль раосейцев сейчас где-то неподалеку, наблюдает за тем, что происходит, – сказал Вильям безнадежно. – И он, клянусь четверкой, постарается довести дело до конца, то есть ликвидировать следы диверсии.

– Нападет на нас? – Уроженец Конго нахмурился, на скулах его набухли желваки.

– Не на нас, а на корабль хаурваков, и тем самым не нарушит слова, данного на Таугросе. Откуда раосейцам наверняка знать, что внутри звездолета находятся младшие сегменты?

– Верно, все верно, видит Святая Дева. – Арагонес почесал заросшую черными волосами макушку. – Ну, ничего, в этом случае мы хотя бы быстро и гарантированно погибнем без всяких там воскрешений...

– Двадцать три, двадцать два... – продолжал монотонно считать Умник, – ...один, ноль...

Старт получился мягким. Изображение на экране задрожало и чуть сдвинулось, огни на консолях заплясали, точно бешеные, и таранное судно Рау-Нор-двести пятьдесят три отстыковалось от орбитальной станции.

– Защитное поле включено, – доложил Умник. – Сканеры активны, потенциально опасных объектов в радиусе контакта не обнаружено.

– Осталось задать курс... – задумчиво проговорил Ли. –

Ну что, парни, возвращаемся в Шарендар? Меня одолевает желание потолковать по душам со старшими сегментами.

– Верно! – прорычал Гаррисон. – Никто не смеет нас подставлять!

– Надерем им червячные задницы! – азартно завопил еще кто-то. – Бей рыболовную наживку!

Рубка наполнилась сердитыми, но полными энтузиазма восклицаниями.

– Как я понимаю, предложение принято единогласно? – улыбнулся бывший сержант. – Тогда...

Его перебила взывшая под потолком сирена. На одном из экранов появилось изображение веретена, сплетенного из тысяч золотых нитей, а Умник громко объявил:

– Обнаружен потенциально опасный объект. Расстояние – пять универсальных единиц, класс энерговооруженности – девятый. Время огневого контакта – десятая мини-цикла.

Веретено окуталось желтой дымкой, и из его носовой части принялись бить молнии цвета шафрана.

– Это что? – удивился Гаррисон.

– Корабль раосейцев. Он стреляет по нам, – спокойно ответил Ли, и в рубке хаурвакского звездолета стало очень тихо. – Умник, скорректировать курс. Через гиперпространство необходимо попасть в район свободного порта Шарендар системы Гаромана.

– Слушаю и повинуюсь.

– Кроме того, увеличь скорость до максимума, выполни

маневр уклонения и попробуй активировать оружие звездолета.

– Последние два приказа невыполнимы. – В голосе искусственного интеллекта прозвучало что-то вроде сожаления. – Возможность их осуществления не входит в набор действий, предусмотренный моей программной основой.

«Все верно, – подумал Вильям. – Пилота гражданского флайера не учат стрелять из фазотронной пушки и совершать противоракетные зигзаги».

– Тогда просто выбери курс и увеличь скорость. – Ли продолжал сохранять спокойствие.

Таранное судно развернулось, с обзорных экранов исчезла Апион-Фарит, но стал виден «сундук» орбитальной станции, из-за которого приближался звездолет раосейцев и летели цепочки янтарных огоньков. Первый неожиданно мигнул и исчез, экраны погасли, корабль хаурваков потрянуло.

– Попадание в кормовую область, – бесстрастно констатировал Умник. – Повреждения нулевые.

– Защитное поле выдержало, но рано или поздно его пробьют, – проговорил Ли громко. – Герметизируйте костюмы.

Вильям коснулся пояса из толстых металлических пластин, с помощью которого управлял основным костюмом. Оболочка вокруг него сделалась сплошной, все отверстия затянулись. Заработала система автономной выработки кислорода.

Таранное судно вновь потрянуло, на этот раз куда сильнее.

Ли едва не вылетел из кокона, по одной из стен побежала трещина.

– Что за ерунда... – пробормотал один из легионеров, и тут звездолет настиг очередной удар.

Вильям понял, что летит. Едва успел выставить руки, как сильно хрястнулся обо что-то твердое, оказавшееся потолком. В глазах померкло. Он затряс головой, пытаясь понять, что же происходит. Со всего размаху шлепнулся обратно на пол и на некоторое время потерял сознание.

Очнувшись, услышал монотонный голос Умника:

– До входа в гиперпространство – одна десятая мини-цикла. Три попадания в кормовую область, одно – в область главного стабилизатора, одно – в область вихревых закрылков. Повреждения – три процента, искажение защитной обшивки, нарушение несущей формы стабилизатора...

– Это древнее корыто обладает крепкой шкурой, – сказал рядом кто-то, судя по голосу – Гаррисон. – Если бы не оно, нас бы продырявили первым выстрелом. И неудивительно, корабль прорыва – это не прогулочное судно.

Вильям открыл глаза, понял, что лежит на спине и что рядом сидят на корточках соратники.

– Ага, да ты живой? – проговорил Соболев, и усы за прозрачным забралом задвигались, обозначая улыбку. – Ну, вот, а мы уже собрались выпить за помин твоей души. Нехорошо получилось.

– Весь праздник испортил, негодяй, – поддержал Араго-

нес.

– Что, мы оторвались? – спросил Вильям, по очереди пробуя пошевелить конечностями и убеждаясь, что они слушаются.

– Да. Сейчас окажемся в гиперпространстве, – ответил Гаррисон. – Умник тестирует состояние корпуса. Даст знать, если все в порядке...

– Ну, что же, – уроженец Ливерпуля сел, – клянусь четверкой, я рад, что все закончилось именно так.

– Если бы закончилось, – невесело улыбнулся сидящий в пилотском коконе Ли. – Видят духи, все только начинается.

* * *

Дверь, украшенная буквами Ршэ и Уве хаурвакского алфавита, с тихим чмоканьем отъехала в сторону. Свет из коридора упал на штабеля ящиков из черного пластика, голые стены и бугристый пол.

– Эй, Умник, – позвал Вильям. – Как насчет того, чтобы включить свет?

– Наблюдается физическое повреждение логических цепей, – ответил искусственный интеллект из-под потолка. – Я не имею доступа к управляющим функциям в пределах этого помещения.

Шел седьмой день после того, как легионеры покинули «Радость бабушки» и вошли в гиперпространство.

Создавать собственное голографическое изображение Умник на судне хаурваков не мог – не было соответствующего оборудования. Поэтому он присутствовал в виде голоса да порой появлялся на больших обзорных экранах в рубке. Звездолет повиновался ему не полностью, время от времени отдельные системы пытались выйти из-под контроля или же вообще отказывались работать.

Но самой большой проблемой была нехватка продовольствия.

Того, что имелось в рюкзаках, хватило на несколько дней. Затем пришлось урезать пайки и начать активные поиски по закромам громадного корабля – вдруг где-то завалилось нечто съедобное? Окрестности рубки земляне обшарили, ничего не нашли и с сегодняшнего дня переключились на кормовую часть.

– Все с тобой ясно, – кивнул Вильям, исполняющий роль командира поисковой партии, что состояла из него, Гаррисона и на редкость молчаливого парня по имени Маркус родом из Венесуэлы. – Придется использовать фонарик.

Вспыхнул луч яркого желтого света, чужого на звездолете, где все освещение было зеленым. Блики заиграли на черных боках ящиков, стало видно, что они полупрозрачные, а внутри – разнокалиберные сосуды, круглые, овальные, вытянутые, ребристые и вообще сложной формы.

– Что это еще за яйца аллигатора? – поинтересовался Гаррисон.

– Думаешь, я знаю? – Вильям осторожно снял один из ящичков, тонкий пластик треснул под его пальцами.

В обнажившемся сосуде, украшенном парой рожков-трубочек, колыхнулась густая белая слизь. Стало видно, что тара имеет маркировку в виде ряда хаурвакских символов.

– Хау-Же-Нор Два Два, что бы это значило? На сметану, честно говоря, мало похоже, но изучить надо. – Гаррисон вытащил тестер биологической совместимости, напоминающий карандаш. Их легионерам выдали еще в Шарендаре, на тот случай, если придется добывать пропитание на Апион-Фарит.

– Это верно. – Вильям поставил сосуд на пол и попытался отломить один из рожков.

Это получилось на удивление легко. Раздалось негромкое «хрусть», слизь мелко затряслась и покрылась пузырьками. Гаррисон погрузил в нее «карандаш» и уставился на загоревшийся зеленый огонек.

– Ничего не понимаю, – сказал Вильям. – Красный – ядовито, несовместимо с нашим метаболизмом, синий – годится в пищу. А что обозначает зеленый – инструктор нам не говорил...

– Смотрите, она движется! – воскликнул Маркус.

Слизь и вправду ухитрилась выдавиться через сломанную трубочку. Поверхность ее бурлила, с нее тянулись сотни крохотных щупалец.

– Что-то мне это не нравится, – буркнул Гаррисон, и тут

комков белого вещества прыгнул на него. С мягким шлепком соприкоснулся с обнаженным предплечьем и пополз по руке вверх, окутывая ее тонкой пленкой.

– Эй! – раздраженно воскликнул африканец, тыча в пленку тестером. – А ну, отвянь! Что за фигня?

Но слизь к словам не прислушалась, а попытки соскрести ее или оторвать ни к чему не привели. Пленка растягивалась дальше, переползла на плечо и двинулась к шее.

– Ты что-нибудь чувствуешь? – спросил Вильям, настороженно глядя приятелю в глаза.

– Нет, – растерянно ответил Гаррисон. – Покалывает маленько, да и все. И рука какая-то легкая стала, что ли...

– Маркус, оставайся здесь, – распорядился уроженец Ливерпуля и поднял с пола сосуд с маркировкой. – А мы пойдем, попробуем с этой штукой справиться...

Выйдя в коридор, он связался с Ли, и, когда Вильям и Гаррисон появились в рубке, там собрались все, кто хоть что-то понимал в медицине.

– Показывай, – велел командир группы, и Гаррисон послушно скинул рубаху.

Белесая матовая пленка хорошо выделялась на темной коже. Она занимала левую половину груди, живота и спины, захватывала шею, напозла на подбородок и исчезала под волосами на затылке. Там, где слизь прилепилась к телу, пленка была немного более тонкой, полупрозрачной.

– Ничего себе, – покачал головой Серое Облако. – Это

что, какой-то паразит? Или болезнь?

– Которая хранится в банке и охотится на гуманоидов? – поморщился Ли. – Это вряд ли... Умник, что означает маркировка на этом сосуде?

– Хау-Же-Нор Два Два. – Голос искусственного интеллекта породил в углях рубки гулкое эхо. – Если верить базовому справочнику, то это универсальные биологически активные имплантанты.

– Как? – Нижняя челюсть Гаррисона дрогнула, в глазах мелькнул страх. – Имплантанты? Эта хрень что, пытается поселиться во мне?

– Скорее на тебе. – Ли оставался спокойным, словно танк. – Умник, попытайся поискать в местных базах данных более подробную информацию о том, что за груз хранился в помещении, где обнаружили этот сосуд, а также о разновидности имплантантов, что маркируется таким образом. А мы пока просмотрим остальные маркировки...

В последующий час Умник занимался тем, что скрипел электронными мозгами, легионеры фиксировали надписи на ящиках из черного пластика, а мрачный Гаррисон сидел в пилотском коконе и со страхом ждал, чем все закончится.

– Давай-ка осмотрим тебя еще раз, – сказал Ли, когда груз трюма Ршэ-Уве был описан до последней коробочки и они вернулись в рубку.

– Давай, – согласился могучий легионер.

За час имплантант расплзся по всему его телу, за исклю-

чением ног ниже коленей, но туда он просто не успел добраться. Он растянулся, став почти незаметным, не закрыл глаза или ноздри, не попытался залезть в рот и не понизил чувствительность кожи.

– Можешь не бояться, – заявил Ли, когда медицинский тестер показал, что с Гаррисоном полный порядок, не считая учащенного пульса. – Вряд ли эта штука попробует тебя убить.

Африканец облегченно вздохнул и заулыбался.

– Не уверен, что у нее получилось бы, – заметил Вильям. – Но имплантант предназначен для хаурваков, а не для гуманоидов, и какой именно эффект произойдет от его внедрения в организм иной структуры, трудно предсказать...

– А мы и не будем предсказывать, мы это скоро узнаем. – Бывший сержант чуть повысил голос: – Умник, есть результат?

– Да. Хау-Же-Нор Два Два – боевой имплантант, обеспечивает укрепление внешних тканей организма.

– Вот как? – Ли посмотрел на Гаррисона с новым интересом. – Еще какая-то информация имеется?

– Нет, только общее описание.

– Тогда сообщи нам, что обозначают следующие маркировки...

Умник получил все обнаруженные на ящиках в трюме РшЭ-Уве надписи и начал зачитывать описания. Через десять минут Вильям подумал, что им невероятно повезло: они

обнаружили настоящий склад боевых имплантантов, годных если не для того, чтобы использовать их самим, то хотя бы для продажи.

– Ничего себе! – растерянно воскликнул Арагонес, когда искусственный интеллект замолк. – И такое провалялось тут без дела много веков? И хаурваки столетия назад умели делать подобные вещи? Либо наша Вселенная потеряла рассудок, либо я в ней очень многого не понимаю.

– Второе гораздо вероятнее, хотя и первое не исключено. Так-так. – Любимая присказка дала понять, что Ли напряженно размышляет. – Вопросов на повестке дня аж три – что будет с Гаррисоном и что нам делать со всем этим богатством?

– А третий? – уточнил Лири.

– Где бы достать еды, чтобы не помереть с голоду. Эту проблему мы пока так и не решили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.